Цена 3 фр. Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Объединения

Содержание:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Объединения.

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe.

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15)

№ 1-2 Май 1934 г.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Наши задачи

Республиканско-Демократическое Объединение настоящим номером начинает издание своего публичного органа. Это издание преемственно является продолжением ранее выходивших ежегодников «Бюллетеней» и внутреннего органа «Хроники РДО».

Новый этап в жизни организации, вызвавший появление журнала, связан с недавно принятой социальной программой. Выработке этой программы предшествовала большая внутренняя работа, углубленное изучение выдвинутых современностью социально-экономических проблем. Эта ответственная коллективная работа стала возможна, благодаря тому, что члены РДО обнаружили высокий уровень подготовки, внутреннюю сплоченность и прочность исходных республиканско - демократических взглядов, которые служили верным компасом в поисках надежных путей.

И сейчас, как никогда раньше, стоит перед нами во всей актуальности задача пропаганды наших идей во-вне, по ту сторону рубежа и среди эмиграции.

Программа оффициального органа РДО естественно вытекает из программных и тактических положений нашей организации.

Главное внимание нашего журнала прежде всего обращено в сторону России. Лозунг «лицом к России» был выдвинут РДО с самого его возникновения. Разрыв с «белой» идеологией и тактикой был исходной точкой организации РДО, большинство членов которого принимали личное участие в антибольшевистской вооруженной борьбе.

Наши надежды связаны с внутренними русскими процессами, они основаны на вере в творческие силы русского народа. Не внешнее вмешательство заинтересованных иностранцев может положить конец власти коммунистов. Наш яркий анти-интервенционизм, вызвавший к нам резкую ненависть правых элементов эмиграции, получил еще большее подкрепление и подтверждение в событиях последнего времени. Наша принципиальная позиция и практически оказалась единственно жизненной и дальновидной. Сам народ, накопивший достаточно силы и энергии, сбросит с себя цепи страшного коммунистического рабства. Но такое наше понимание исторического хода событий не освобождает нас от священного патриотического долга влиться в эту борьбу народа с властью, принять в ней посильное участие.

Борьба с врагами народа, целесообразно построенная, в доступных нам формах, всегда стояла и продолжает стоять в центре нашей политической работы. Еще тактические тезисы 1926 г., выработанные в процессе борьбы с «возвращенческими» настроениями в эмиграции, отчетливо формулировали дву-единую синтетическую мысль РДО, сочетавшую пафос неприятия советской власти и революционное к ней отношение «с согласованием тактики эмиграции

с тактикой населения, борющегося с советской властью теми методами, как революционными, так и мирными, которые оказываются наиболее целесообразными при внутри-русской обстановке борьбы». (см. полный текст тезисов и комментарии к ним в «Бюллетене РДО» за 1926 г.).

Одна из главнейших задач нашего журнала и заключается во внимательном, пристальном изучении русской жизни, всех изменений, там происшедших: социальных, бытовых, психологических, и, одновременно, в выработке **нашего** положительного ответа на требования русской действительности, зашедшей в коммунистический тупик, — ответа, открывающего перед народом широкую дорогу нормального развития и человеческого существования. В основном наш ответ дан заранее РДО убеждено, что только занятая им республиканско-демократическая позиция может дать русскому национальному освободительному движению тот лозунг и тот центральный стержень, без которых оно осуждено вечно колебаться между крайностями коммунистической и реакционной диктатур, неспособных призвать народные массы к самодеятельности. Советскому абсолютизму надлежит противопоставить идею, принципиально отрицающую его мертвящий гнет; такой идеей только и может быть идея свободы и права, т.-е. идея демократии. Мы утверждаем абсолютную ценность свободной человеческой личности. Она является краеугольным камнем демократической идеологии. Оставаясь на почве этой идеи, беря ее в качестве основного критерия, мы можем найти правильные ответы на наиболее больные вопросы нашей эпохи. Мы с заслуженной гордостью можем констатировать, что мы не поддались соблазну пятилетнего наваждения. Гигантские сооружения Днепростроя и Белморстроя своим техническим блеском не скрыли от нас всей чудовищной рабской сущности коммунистического хозяйства. Но в такой же мере нам остался чужд огульный антикапитализм так называемой «пореволюционной» молодежи.

В своей социальной программе (см. ниже ее полный текст), в которой РДО сделало попытку найти равнодействующую между различными тенденциями современности и использовать опыт страшного провала пятилетки и тяжелые уроки мирового экономического кризиса, — мы, прежде всего, утверждаем личное начало, как основу и стимул здоровой народно-хозяйственной деятельности. Его истребление начисто коммунистами предрешает судьбу всего советского эксперимента. Но и тут правильное понимание идеи личности не допускает крайностей индивидуализма, а приводит к укреплению начал социальной справедливости и солидарности.

Мы видим роль демократического государства в обеспечении свободного **сотрудничества** членов общества. Отсюда мы признаем за государством право вмешиваться в социально-экономические отношения в целях достижения подлинного социального мира и благополучия.

Одновременно программа приветствует и поощряет общественную, коллективную самодеятельность в разных формах (свободная кооперация, свободный синдикализм и т. д.) и тем устраняет конфликт между обществом и государством — на почве разграничения сфер деятельности. В этих кратких замечаниях по поводу программы — ей будет посвящен ряд статей — мы хотели только наметить главное направление наших исканий и подчеркнуть их методологию.

Постановка наиболее жгучих проблем нашего времени и поиски **демократических** путей их разрешения будет занимать существенное место в нашем журнале. Если **идея** демократии, на наш взгляд, бессмертна и неизменна, то **формы** демократии должны соответствовать конкретной обстановке и текущим жизненным потребностям. Нужно различать самое существо демократии, которое надлежит всячески утверждать, и те временные конъюнктурные оболочки, которые следует своевременно заменять наиболее подходящими для данного, неповторяемого мига истории.

Нам чужда психология самодовольства и казенного оптимизма, так же, как и слепая

привязанность к определенным трафаретам. Мы не закрываем глаза на последние мировые события, в частности, на германскую катастрофу .Провал передовой культурной страны в состояние примитивного средневековья не может не быть тяжелым испытанием для республиканско - демократической идеологии и даже вызовом мировому разуму и культуре.

Из наших попыток объяснить частичные поражения на демократическом фронте мы постараемся сделать выводы, которые должны предохранить нас от повторения ошибок прошлого.

Приблизить демократические идеи к жизни, чрезвычайно усложнившейся, — искать наиболее жизненные формы претворения в действительность вечных, **непобедимых** идей, распространять эти мысли не только в узкой среде эмиграции, но и на широких просторах нашей родины — вот те задачи, над которыми стоит потрудиться. К этой дружной, самоотверженной работе мы зовем всех верных друзей демократии.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ.

И. ДЕМИДОВ

НА СТРАЖЕ

(К 75-тилетию П. Н. МИЛЮКОВА)

В марте 1929 года демократической частью русской эмиграции был широко отпразднован 70-тилетний юбилей П. Н. Милюкова. (Точная дата — 28 января).

Тогда, в ответной речи на многочисленные приветствия оценки, юбиляр, в свою очередь оценивая дату своего юбилея, которую шутливо назвал «неприятным событием», между прочим, сказал:

«.... Текла жизненная работа изо дня в день, сегодня, как вчера; завтра, как сегодня. Жизнь казалась какой-то ровной лентой, которая тянулась куда-то в неведомую даль. И вдруг — холодная арифметика пришла и разрезала ленту на две неровных половины. С одной стороны вся жизнь с обязательством подводить итог, с другой — остаток жизни, когда людям полагается начинать писать мемуары. Как же не «неприятное событие»... В. А. Мякотин закончил свою речь напоминанием об обязательствах в области служения моей науке, которые я не исполнил. Он указал на два незаконченных ученых труда, один — специальный, другой — популярный, которые остались без продолжения. А Вы слышали сейчас, что к этому продолжению я поощрен благодаря любезному дару болгарского народного собрания и тому, что мои друзья прибавили к этому. У меня теперь имеется возможность вернуть русской читающей публике один из моих главных трудов — «Очерки по Истории Русской Культуры», которые давно стали библиографической редкостью. У меня возникла надежда закончить этот мой труд, и к трем томам, которые будут переизданы, прибавить четвертый»...

Наполненная до отказа аудитория ответила на это обещание П. Н. Милюкова взрывом долго несмолкавших аплодисментов.

Не отдых и мемуары, а работа над переизданием и окончанием «одного из главных трудов», — таков был ответный подарок юбиляра всем праздновавшим его.

Минуло пять лет, и опять перед интеллигенцией русской эмиграции встала юбилейная дата П. Н. Милюкова — 75-тилетие. От празднования ее П. Н. категорически

отказался и запретил даже называть ее. Воля эта явилась обязательной для его ближайших друзей. — Мы не праздновали: не было ни торжественного заседания, ни юбилейного банкета, ни поздравительных речей. Мы промолчали. Пусть же сегодня, на первых страницах нового республиканско - демократического органа «НАШЕ СЛОВО», мне будет позволено, если не отпраздновать, то хоть формально и очень суммарно оценить протекшую пятилетнюю часть второй «неравной половины» жизни дорогого учителя и руководителя, часть того «остатка жизни, когда людям уже полагается писать мемуары».

За эти пять лет на французском языке, под редакцией П. Н. Милюкова, Сеньобоса и Эйзенмана, в издании «Presse Universitaire» вышла трехтомная «История России» (1.400 страниц). В этом большом труде перу П. Н. Милюкова принадлежит: в т. I-ом — историографическое введение и история России со времени Романовых, написанная с особенным вниманием к эпохе Петра I (составляет половину I-го тома); в т. III-ем — вся история общественных движений с Александра II-го, освобождение крестьян, вся история Николая II-го и очерк событий времени советской России. Распространяться о значении этого фундаментального труда для правильного и серьезного ознакомления иностранцев с Россией не приходится; оно понятно само по себе и уже признано во французских преподавательских кругах.

Сверх этого на французском же языке на-днях выходит из печати первый том серии «Bibliotèque d'Etudes sur la Russie Contemporaine» новый труд П. Н. Милюкова - «La politique extérieure de l'U. R. S. S.» (около 500 стр., издание Giard).

На английском языке П. Н. Милюковым за это время были написаны для «Encyclopedia Britannica» слово «Россия» — громадная статья энциклопедического содержания и ряд статей в Американской Энциклопедии социальных наук.

И, наконец, на русском языке — данное обещание «вернуть русской читающей публике один из моих главных трудов — «Очерки по Истории Русской Культуры» в отношении двух томов выполнено, в отношении третьего (первый по порядку) тома — находится в порядке выполнения.

Новое издание «Очерков» в память щедрого дара Болгарского Народного Собрания и друзей названо «юбилейным». Собственно говоря, этот труд автора является не «переизданием», а созданием заново. Весь текст совершенно переработан, изложение событий доведено до последнего времени. Сравнительно наименьшей переработке подвергся третий том, содержащий в себе историю общественных движений до Екатерины II-ой. Том второй, содержащий в себе «очерки по истории» религии и школы, литературы и искусства, увеличился более, чем вдвое, и вышел уже в двух частях. Еще более глубокой переработке подвергается теперь том I-ый: территория и население, экономика, сословный строй, учреждения, государство и право. Он почти целиком пишется заново и выйдет, как и второй том, в двух частях. Наконец, находится в работе и обещанный юбиляром том IV-ый, который явится продолжением III-го и даже может быть назван второй его частью: общественные движения после Екатерины II-ой до настоящего времени (консерватизм, либерализм, социализм).

Таковы «мемуары» П. Н. Милюкова, написанные им за истекшее пятилетие, между его 70-ью и 75-ью годами. И здесь перечислены лишь главные труды, перечислить же более мелкие, выразившиеся в журнальных очерках, газетных публицистических фельетонах и публичных докладах сейчас и на этих страницах я не в состоянии. Упомяну лишь лекции П. Н. Милюкова по русской истории новейшего периода, ежегодно читаемые в франко-русском институте политических и социальных наук и доведенные теперь до 1830 года, — основа для нового крупного труда в будущем.

Таков этот «остаток жизни», наполненный таким творчеством, такой работоспособностью, такой волей и энергией, да еще и в трудных эмигрантских условиях, при громадной, всегда спешной, не терпящей отлагательства повседневной работе, —

«остаток», в котором месяцы идут за годы, и который по праву может быть назван не «остатком», а целой второй жизнью историка, политика и публициста! И не являются ли его результаты действительным праздником русской культуры, русской науки и праздником самого автора этих результатов, бессменно и бодро стоящего на страже этой культуры и этой науки! А для нас — младших, учеников дорогого П. Н., и гордостью за русское имя и творимое им русское дело!

Но П. Н. Милюков сторожит не только русские культуру и науку. Он всю жизнь сторожил и сторожит и Россию — всю Pax Rossica, описанную им в его «Очерках» и вылившуюся в великое государство. И, быть может, как раз к 75-тилетнему юбилею эта задача — самая важная и самая ответственная — встала перед ним в наиболее острой и мучительной форме за всю его долгую жизнь.

Россия — наша, нам современная Россия — как много у нея врагов и как мало друзей! Как много тех, кто за ее счет хочет исцелить свои раны и недуги; кто хочет на России создать свое лучшее, новое будущее! Это — по отношению к иностранцам.

А по отношению к своим?

Россия — советская Россия — для многих эмигрантов из-за их ненависти к советской власти переставшая быть Россией и потому ставшая ненужной, опасной, вредной и ненавистной. Они готовы разрубить ее на части; они готовы с любым из недругов ее отрывать от нее «клочки», раздавать оторванное чужим. И этой ценой национального самоубийства они надеются убить большевиков. Безумие ненавидящих!

Ниже, на этих же страницах, читатель найдет текст доклада П. Н. Милюкова — «Международное положение, Россия и эмиграция» и обмен мнений между ним, ген. А. И. Деникиным и Е. В. Саблиным. Здесь поставлен самый страшный, самый глубокий русский вопрос наших дней: кто из нас за Россию и кто против нее? В ком любовь к родине, несмотря ни на что, сохранила в его душе Россию, и в ком ненависть к советской власти Россию в нем убила, превратила в разлагающийся труп, годный только для растерзания его хищниками?

Этот вопрос жизни или смерти поставлен перед русской эмиграцией П. Н. Милюковым, стоящим на страже России. Свой ответ он на него дал — ясный и безбоязненный. Для него Россия жива и требует от каждого из своих сыновей защиты ее души и тела — их целости и сохранности как от попыток иностранного расхищения, так и от бесславных попыток национального самоубийства.

И сколько злобы и ненависти выливается на того, кто умеет любить Россию и служить ей до конца: видеть себя в России, а не Россию в себе, и жертвовать собой для России, а не Россией для себя!

Пусть же «остаток жизни» непоколебимого, верного стража дорогой родины будет продлен еще на долгие, долгие годы. Пусть среди нас раздается его будящее слово в те мгновения, когда вихрь событий слепит многих из нас, и перед нами встает смертельная опасность, что русский исторический путь будет утерян, и в своем временном рассеянии русская эмиграция, забыв о России, разбредется по чужим путям и тропинкам, надеясь на них найти свое национальное спасение.

Мы еще не можем вернуться на родину, но это не значит, что наш возврат может быть куплен нами бесславной ценой нашего участия в отрыве от нее «клочков» ее души и тела.

Страж не дает нам заснуть — вместе с ним мы должны бодрствовать и делать наше историческое русское дело — по мере сил своих охранять наше «святое святых» — Россию.

И. ДЕМИДОВ.

П. МИЛЮКОВ

Международное положение, Россия и эмиграция *)

От докладчика

Мой доклад, прочтенный 21 декабря в Париже, поднял, как и можно было ожидать, не мало полемической пыли. Им воспользовались, прежде всего, мои обычные политические противники, чтобы отдать меня на суд своих единомышленников. В «России и Славянстве» я прочитал, что моя главная задача «не оказаться в противоречии с тем, что думает средний француз»; после весьма вольной передачи моих (предполагаемых) мыслей переговник выдвинул на «роль защитника западноевропейской культуры хитлеровскую Германию» и «современную Японию» и кончил советом эмиграции соблюдать «сосредоточенно-выжидательное молчание». Там же г. Цуриков торжествовал над тем, что Е. В. Саблин «заставил меня проговориться» и «вывел на чистую воду» «тактического соглашательства». «Нас, понятно, не проведешь», восклицает по этому поводу дубовый политик бывшей «молодежи». В органе «Союза Нового Поколения», напротив, меня великодушно прощают за то, что, в 1918 году, «в своем стремлении упасть в ноги немцам» я поднялся до высоты самопожертвования», «отрекся от демократии» и «не боялся раздела России». Новая «молодежь», очевидно, так же произвольно толкует вкривь и вкось недавние факты, ею непонятые, как старая «молодежь» толкует мои мнимые взгляды. Не лучше, впрочем, поступают со мною и мои младшие современники. Г. Ю. Семенов в «Возрождении» тяжеловесно доказывает мой же тезис, что «теперь всякая маленькая сила (как «различные народности внутри России» и русские эмигранты) будет иметь большое значение» и что «революция во время войны есть капитуляция», не говоря лишь, для чего будет использовано «большое значение маленькой силы» и на чем «капитулирует» побежденная «чужеземцами» власть. Он убежден, что «русский народ хлынет неудержимо» навстречу его единомышленникам; останется только организовать из него «русскую армию, кадры чиновников» и т. д. «Самостийники», конечно, легко сговорятся «во имя целости России», участвовать в борьбе, и все «разговоры о расчленении России» «абсурдны» и даже «кощунственны». После этой фафнеровской поступи редактора «Возрождения» змеиные извивы старого софиста, Григория Ландау, помещенные в той же газете, дают даже некоторый приятный отдых уму. Хорошо, конечно, если падение власти произойдет «путем решающего удара в центр»; тогда «власть, созданная в центре, явилась бы существенной гарантией для сохранения целости территории». Но «тяжелее», «если освобождение пойдет с периферии», что может, вопреки г. Семенову, «угрожать последующим расщеплением». За «расщеплением» пойдет, конечно, по необходимости, новое «собирание». Опасается г. Ландау и поддержки «отщепляющихся частей в чужих государствах», и даже поддержки ими самими «советчины, как гарантии русской слабости». Не верит г. Ландау и в «народ» («крестьянство»), которое так и побежит в объятия г. Семенова. Всему этому «неопределенному и проблематичному» г. Ландау противополагает «простое и бесспорное»: «центральный активизм». В дальнейшем, однако, загадочная роль «центрального активизма» оказывается не столь бесспорной: г. Ландау бросает эту тему и обрушивается на тех, кто смеет возлагать надежды на «центр», пока он еще существует. Конечно, это и есть «большевизан» П. Н. Милюков! Он «не доверял царскому правительству ведения войны, а советскому доверяет»: он, «свергал дореволюционное правительство в ответственнейшую и напряженнейшую минуту», а теперь «готов поддерживать советское правительство» Конечно, и тогда П. Н. Милюков знал значение «центра», как знает его г. Ландау теперь, и, конечно, роль Милюкова в революции представлена здесь навыворот Но сопоставления эффектны, и впечатление произведено: это не г. Семенов! Не менее эффектно и сопоставление: ведь территорию защищают люди, а каких же людей воспи-

*) Доклад, прочитанный П. Н. Милюковым в Париже, 21-го декабря 1933 года.

тывает советская власть? И вывод готов: «власть, ввергающая страну в подобное состояние, неспособна ее защитить и отстоять». Ясно и бесспорно. А, стало быть, «первой задачей спасения — освободить народ от такой власти». Таким путем, «трагический выбор между неприкосновенностью границ и непрерывностью культуры и сохранностью человеческого субстрата» решен вполне благополучно: все трудности устранены. Нужно было только забыть при этом всю первую половину статьи и превратить практическую задачу в моральный постулат: «большевизм *должен быть* устранен». Конечно, должен: кто-же об этом спорит?

Доклад проф. М. В. Бернацкого в «российском центральном объединении», тоже направленный против меня, представляет непереваренный конгломерат всякого рода идей. Есть тут и традиционная схема «национальной» эмиграции, есть кое-что от Григория Ландау, есть даже и совпадения со мной, например, в признании неизбежности конфликта, заинтересованности иностранного вмешательства в ущерб интересам России; есть и «очевидное» признание, что «эмиграция не участвует в заговорах о разделении России, ни в планах отторжения частей» (а г. Семенов тут же, на заседании, вопит: «ответ ясен: мы с *ними*»). Останавливаться на всей этой путанице обрывков мыслей, имеющих разное происхождение, просто не стоит. Общее г. Бернацкому с другими моими противниками — игнорирование моей подлинной точки зрения.

Этого никак нельзя сказать относительно двух моих оппонентов, статьи которых, вместе с моими ответами, помещены в настоящем сборнике: ген. А. И. Деникина и Е. В. Саблина. В особенности после письма А. И. Деникина к редактору «Возрождения», здесь перепечатываемому, становится ясно не только в чем мы расходимся, но и в чем мы согласны. А. И. Деникин отделяет себя от «пораженчества» г. Ю. Семенова и считает «безумным (в момент вторжения иноземцев) снимать (красные) войска с Амура или Припяти». Он признает, что «пассивное сопротивление и широкое вредительство, *подрывая государственную оборону*, не повлекло бы непременно кризис режима». Он признает также невозможность для эмиграции идти в Россию «с армиями чужестранными», и считает «повелительным долгом отпор врагу со стороны народа русского, *красной армии и эмиграции*». Он «признает державы, помышляющие о разделе России, злейшими врагами ее». О других точках соприкосновения см. ниже, в нашей переписке. Замечания Е. В. Саблина грешат, по моему мнению, чрезмерным оптимизмом, — что, впрочем, сознает очевидно, и сам автор «инструкций». Его мысль, мне кажется, колеблется между старым и новым взглядом, что и вызывает внутренние противоречия; но по своему общему настроению он стоит, повидимому, ближе ко мне, чем мои другие оппоненты.

Что сказать о г. Казем-Беке, ближайший сотоварищ которого признал согласие со мной на все «100 процентов». Я уже показал в своей критике его речи в «Искре», что эти 100% имеют иногда тенденцию спускаться до нуля. Его прямые связи с Германией (да и сношения с Японией) признаны им самим. Его «прямолинейные» заявления («младороссы не будут орудием в руках сил» и т. д.) превращаются, при этом условии, в простую словесность. Предупрежденный о появлении моей критики (вместе с обещанием напечатать его ответ в «П. Н.»), г. Казем-Бек поспешил, не дожидаясь ее, в тот же день поместить уже не ответ, а личный выпад против меня в «Возрождении». Это, очевидно, кем то приказанный тактический ход. О чем же тут спорить? Г. Казем-Бек усматривает границу между мной и младороссами в том, что на моей стороне нет «веры, нужной для всякой борьбы», и «убедить таких людей нельзя». Напротив, младороссов «можно зажечь, заразить верой», распространяемой самим г. Казем-Беком... Не смею спорить против этого противоположения. Сделаю лишь одну оговорку: с людьми «верующими» спорить, пожалуй, действительно, бесполезно: но можно узнать, по крайней мере, чему они верят. Во что верит г. Казем-Бек, я не знаю, и спорить с ним было бы наивно именно по этой причине. На двусмысленности основано все представляемое им политическое течение, и *этим* всегда определялось мое отношение к нему, а вовсе не тем, будто в начале я «приветствовал» его зарождение, а «по мере роста» стал с ним бороться. Как *идейное* течение, оно просто не существует.

Многочисленные выпады моих противников против моих предполагаемых взглядов побудили моих политических друзей настоять чтобы я по крайней мере, опубликовал свой «corpus delicti», доклад, прочитанный 21-го декабря в Париже. Для восстановления текста доклада у меня было только одно пособие: подробный конспект, которому, однако, я не везде следовал в своем словесном изложении. Те, кто найдут мой текст более подробным и обоснованным, чем был выслушанный ими доклад, пусть имеют в виду эту разницу. Местами, при теперешней записи, я изменил порядок изложения для большей ясности логической связи между частями. Наконец, здесь несколько подробнее изложена последняя часть, на что при произнесении доклада у меня не хватило времени. Во всяком случае, я всюду старался сохранить за докладом то содержание, которое он в действительности имел, не вводя в текст ответов на возражения, которые были мне сделаны позднее. Если некоторые ответы в этом тексте заранее предусмотрены, это уже вытекает из самого существа изложенных мной мыслей, существа, немало затемненного нападками моих наиболее непримиримых оппонентов. Заявляли-же некоторые из них, в одном частном заседании, что у нас вообще «нет общего языка». Это и оправдалось потом в печати.

Конечно, не этого рода полемика могла повести обсуждение поставленного мной вопроса дальше. Но перепечатанный здесь обмен мнений с ген. А. И. Деникиным и Е. В. Саблиным несомненно содействовал дальнейшему выяснению отдельных положений доклада. Мы остановили наш спор там, где лишь дальнейший ход событий мог дать ему то или другое дальнейшее направление. *Актуальность* спора, конечно, от этого не проиграла, а выиграла. Многозначительность содержания спора и побудила моих друзей сохранить в нашем сборнике его основные этапы, прежде чем все сочетание условий, его вызвавших, отойдет в историю.

Текст доклада

Тройное заглавие этого доклада соответствует трем частям его. Я располагаю их в нисходящем порядке — от более общего к частному. Вопрос об эмиграции и ее роли, вопреки мнению некоторых, есть очень большая частность по отношению к вопросу о России и о ее судьбе. Россия — для *нас*, русских, есть, конечно, первое и главное. Но, все же, и ее положение есть частность по отношению к международной конъюнктуре; оно не может быть ни установлено, ни понято вне связи с более общим — с тем целым, европейским и мировым, в котором Россия составляет лишь часть, более или менее важную, смотря по ее внутренней силе. Наконец, и международное положение есть результат многих слагаемых, более общих, чем оно само; это лучше всего видно из постоянных колебаний и перемен в этом положении, в зависимости от изменений в обусловливающих его слагаемых.

Начиная от этого *самого общего*, мы прежде всего должны поставить вопрос, чем определяется современное международное положение, каковы его основные черты и его внутренний смысл. Часто определяют его, как последствие «послевоенного кризиса». В этом определении есть доля истины; но при нем игнорируется то, что период, протекший после великой войны, уже сам прошел через несколько ступеней. Непосредственные результаты разрушений, произведенных войной, довольно скоро начали сглаживаться; наступил период, который в Европе получил название «стабилизации», а в Новом Свете назывался оптимистическим термином: prosperity. К переживаемому нами моменту оба определения уже не подходят. Мы имеем в настоящем кризисе новое явление, которое уже нельзя отнести целиком на долю последствий войны. Эта новейшая стадия начинается с 1929. — после блестящего периода американского грюндерства (1925 — 1929). Она характеризуется новым крахом кредита, денежной системы, падением цен, безработицей, аграрным кризисом. Лекарства, которые пробуют применять для облегчения кризиса, часто лишь

увеличивают болезнь. Сюда относятся особенно попытки самоизоляции отдельных государств, высокие таможенные пошлины, стремление удержать активный баланс внешней торговли в золоте, в общем, нежелание покупать при желании продавать, что само по себе разрушает самую основу международного обращения. Можно назвать ряд этих явлений одним термином: *экономический национализм* («автаркия»).

Как всегда, экономика отражается и в политике. За экономическим национализмом следует политический и идейный. Борьба интересов, явление обычное и неизбежное, обобщается в то, что было названо «борьбой режимов». А борьба режимов прикрывает собой то, что можно, с неменьшим правом, назвать *борьбой цивилизаций*. В этой борьбе, на наших глазах, высшие достижения культуры, носящие здоровый интернациональный характер, подвергаются *инволюции*, переходу от сложного к простому в противоположность развитию из простого в сложное, что составляет прогресс. Мы имеем дело с *упрощением культуры*, идет ли речь о переходе от Лиги Наций к дореволюционным системам союзов, от демократии и парламентаризма к режимам диктатур, от свободы личности к гипертрофии государственного контроля. Особенно последняя черта, идея «управляемого хозяйства» и ее применение на практике составляет незаметный переход от первого ко второму, от высших достижений культуры к ее упрощению.

Значит-ли это, что мы присутствуем, по Шпенглеру, при «Сумерках Европы», или, по Константину Леонтьеву, переживаем, после эпохи «цветения», период упадка и наступающей смерти? Или, быть может, по Владимиру Соловьеву, мы должны ждать скорого пришествия Антихриста и кончины мира, по Апокалипсису?

Наша эмигрантская молодежь, тотчас после крушения старой России и ухода за границу, склонна была считать это положение «катастрофическим», наше время — временем «героев» — и верить в приближение «мирового переворота». С годами эти первые настроения прошли, — хотя иные лозунги и сохранились. Не будем и мы увлекаться мировыми перспективами. То, что происходит, достаточно значительно само по себе, вне связи с доктриной исторических циклов. Явления «упрощения культуры» охватили, во всяком случае, не всю Европу, а те лишь части ее, где высшие точки культуры были достигнуты одним только меньшинством образованного класса. Мы имеем дело не с падением европейской культуры с высшей, уже достигнутой ею ступени, а скорее с конфликтом этой высшей ступени с сравнительно-низшей. Это — борьба двух кругов культуры неравного качества и высоты. Может быть, к этим двум кругам, как хочет Бенеш, можно прибавить и третий, наиболее отсталый, восточно-европейский. Но Восточная Европа в роли самостоятельной силы на международную арену еще в настоящее время не выступила.

В чем выразился современный конфликт двух ступеней культуры? Внешнее выражение его чрезвычайно наглядно — и прямо вводит нас в тему о современном международном положении. В зале общих собраний Лиги Наций опустели, по обе стороны председателя, два кресла: ушла из Женевы сперва Япония, а потом и Германия. Черты покинувшей Женеву культуры ясны из сопоставления обоих государств. Обе ушедшие державы — находятся в периоде экспансии и аннексии. В обоих военный дух еще господствует над промышленным, авторитарность — над демократией. В особенности в Японии далеко не сгладились черты средневековья. Национализм у обеих наций преобладает над интернационализмом, не успевшим развиться. Система управления сверху свойственна обеим, и попытки создать народное самоуправление оказались бессильными и недолговечными. Уход обеих держав из Женевы знаменует конец надежд на общее разоружение, на мирное разрешение конфликтов путем коллективных решений международного трибунала. То и другое заменяется новой «скачкой вооружений», распадом единого большого объединения держав и выступлением отдельных враждебных друг другу союзных групп, — наконец, войной, как ultima ratio, как единственный способ насыщения непримиримых аппетитов. Возобновляется даже старая теория о «божественности» войны, как лучшего способа сохранить жизнеспособность народов, их жажду первенства и обогащения.

Каким образом столь радикальная перемена могла совершиться так внезапно? Конечно, по существу она готовилась давно. Не говоря уже об азиатских событиях, к которым европейский критерий вообще неприложим, в самой Европе резкая грань давно уже шла между побежденными и победителями великой войны, — между теми, кто от нее выиграл и кто проиграл. Версальский и другие договоры сделали многое для рационального переустройства карты Европы. Но они не могли сделать всего. Мало того, тут, несомненно, были злоупотребления победой, и были созданы поводы для новых конфликтов. «Ревизионизм», как неизбежное последствие этого, давно уже подкапывался под самые основные черты состоявшихся договоров. И европейская демократия так же давно пошла навстречу ревизионистским требованиям, пытаясь сгладить разницу между победителями и побежденными. Политика Локарно (1925), имена Бриана и Штреземана (1926) достаточно характеризуют этот *первый этап* сближения обеих сторон. Понижение суммы репараций по плану Юнга (1930), мораторий Хувера, досрочная эвакуация рейнской зоны, наконец, принципиальное признание равенства вооружений (11 декабря 1932) — весь этот ряд уступок имел целью постепенное замирение послевоенной Европы в рамках Лиги Наций и расчищение пути к общему разоружению. Но уступки встретились с новыми требованиями: бесконечные переговоры о методах разоружений — с тайным вооружением Германии. Мало по малу выяснилось, что германская психология осталась тою же, какой была в 1914 году, но с прибавкой оскорбленной гордости, созданной унижением поражения, и с присоединением внутренних затруднений, вызванных экономическим кризисом, безработицей, разорением Mittelstand'a, перепроизводством интеллигенции и т. д. На этой почве расцвел крайний национализм, нашедший свое выражение в теории «расизма»,—не научной теории, отвергаемой самими германскими учеными, но выдвинутой на положение государственной доктрины. На этой почве развернулся *второй этап* — победы Гитлера и дифференциации двух европейских культур. Достаточно вспомнить совсем еще недавние даты этого этапа; Гитлер — канцлер (январь 1933 г.), Гитлер — победитель на выборах (5 марта), выход Германии из Лиги Наций (14 октября) и, наконец, плебисцит, санкционировавший дело Гитлера (12 ноября 1933). Так создалось — или, точнее, обнаружилось в Европе инородное тело. Выяснились вместе с тем и непримиримые с европейской системой захватные цели Германии: экспансия на Восток для создания «колонизационного пространства» (Siedelungsraum, см. дальше); экспансия на юг с целью австрийского «аншлусса» и окружения Чехословакии, а также поддержки венгерских притязаний. Наконец, в более или менее отдаленной перспективе вырисовался и вопрос о реванше в сторону Рейна и Эльзаса.

Таковы обстоятельства, которые, при всей готовности европейских демократий к уступкам, застали Европу врасплох, разрушили сложившееся так или иначе после-версальское равновесие и вызвали ряд немедленных перемен и приспособлений к вновь создавшемуся положению. Начался *третий этап* — перестройка Европы. В качестве первой меры предосторожности против возникшей угрозы следует отметить более тесное сближение государств Малой Антанты и создание ими общего органа, «Постоянного Совета». Франция должна была резче подчеркнуть необходимость связи «разоружения» с «безопасностью». Англия вместе с Италией предложила — правда, мертворожденный — «пакт четырех», за которым стояла неосуществившаяся идея Муссолини о коренной реформе Лиги Наций. Наконец, мы видели движение общего протеста «малых» держав против «больших» и усилённое стремление их сделать свою политику независимой.

Мы присутствуем, наконец, при *четвертом этапе,* начавшемся после 14-го октября. Характерно, что вызван этот исторический перелом, формальный уход Германии из Лиги Наций, примирительным предложением Джона Саймона, пытавшегося сблизить германскую позицию с французской в вопросе о разоружении. Именно это примирительное предложение оказалось для Германии самым опасным: оно грозило ограничить ее свободу действий и обнаружило тайный смысл ее дипломатической игры. Уходя и возвращая себе «свободу рук», Германия, в сущности, не ослабляла себя, а, напротив, усиливала. Приобретен-

ная ею независимость от общих решений Европы и отказ от контроля до крайности обострили чувство небезопасности в Европе и создали ощущение близости войны. Первое впечатление ухода было то, что Германия изолировала сама себя. Но это впечатление продолжалось недолго. Именно насильственная самоизоляция Германии повлекла за собой ряд попыток отдельных держав с ней сблизиться, и эти попытки представляют столько же элементов непрочности европейского положения. Сюда относится, прежде всего, посредничество Италии на предмет реформы Лиги, посредничество Англии, готовой даже санкционировать германские вооружения, только бы вернуть Германию в Женеву; наконец, позиция Польши (см. дальше). Элементами прочности остаются, таким образом, только сама Франция и тесно с ней связанная Малая Антанта, и возникает вопрос, кому, собственно, суждено быть изолированным в последнем счете, Германии или Франции?

При разделении Европы на два непримиримые лагеря война представляется исходом, все более вероятным. И недаром уже возникал вопрос о «превентивной» войне, с целью предупредить момент, когда сама Германия сочтет себя достаточно вооруженной для нападения. Военные авторитеты утверждают, что такое положение наступит через полтора года, т. е. к весне 1935 года. В связи с этим небесполезно коснуться вопроса: как смотрят оба соперника на предстоящее военное столкновение. Передо мною только что изданный английский сборник статей на тему, чем будет грядущая война. Французская и германская точки зрения здесь оказываются настолько различными, насколько вообще позволяют общие аксиомы современной тактики и стратегии. Французский специалист Рекэн выдвигает вперед черты, связывающие новое понимание с прежним. Война будет продолжительной. Вести ее будут многочисленные армии. Позиционная война будет соединена с маневренной: оборона — с наступлением. Переходя к взгляду германского специалиста, сразу замечаем другой тон, напоминающий довоенные произведения ген. фон Бернгарди. Для войны нужна долгая подготовка — во время мира, но самая война должна быть молниеносной. Смешно давать для переговоров, следуя правилам Лиги Наций, целых девять месяцев, которые пойдут на подготовку обоих противников. Нужно напасть без объявления войны. Никаких правовых соображений. Никаких ограничений в средствах истребления противника. Предмет войны — не живая сила фронта, а само население и центры военной продукции, «Фронт — везде». База для военных действий должна быть создана в неприятельской стране. Главная роль в создании этой базы принадлежит небольшой, но высоко-механизированной армии. Защита границ — бесполезное дело: роль постоянных укреплений — временна. Не нужно никаких длинных фронтов. Позиционная война должна уступить маневренной. Аэропланы быстро перелетят границу, посеют панику, создадут условия для морального разложения противника, удалят от границ базу неприятельских аэропланов и парализуют дальность их полета. Большая мобилизованная армия затем займет место ударной и даст ей возможность продвинуться дальше. Еще раз мы видим: германцы остались теми же, какими мы их знали в 1914 году...

Такое положение вещей нельзя не считать угрожающим. Если есть еще возможность сохранить мир, то единственным средством для этого остается прочность антивоенного фронта. А мы уже отметили в этом фронте элементы слабости. Здесь мы и подходим ко второй части нашей темы. Какую роль при создавшемся положении будет играть та часть земного шара, которая, в размере «одной шестой», растянулась на пространстве двадцати-одного миллиона квадратных километров, — которую мы называли Россией, а ее теперешние властители назвали именем, каждая из четырех частей которого звучит фальшиво. Россия или СССР — в области международных отношений это все та же страна, и, при известных условиях, занятая ею позиция в международном конфликте может оказаться решающей.

Эта страна теперь, устами своих дипломатов и своих правителей, всеми голосами кричит о своем «пацифизме». Враждебная вообще «капиталистическому миру», рассчитывающая на его крушение, более или менее скорое, активно работающая для этого крушения, она признает, что *в данный момент* ее путь — один с теми странами, которые не хотят военного конфликта и всячески ста-

раются предупредить его. Мы знаем очень хорошо источники этого «пацифизма». Это, прежде всего, боязнь войны — не только потому, что война помешает процессу «социалистического строительства», но и потому, что ее неверный исход может грозить дальнейшему существованию советской власти. До последнего времени большевики были уверены, что именно капиталистический мир не выдержит параллельного с ними существования и нападет первый на единственное в мире «отечество трудящихся». Однако, было бы странно отрицать, что именно возникшая теперь опасность конфликта *внутри самого* капиталистического мира заставила советскую дипломатию искать себе союзников в одном из разделившихся лагерей против другого: в лагере охранителей мира против его нарушителей.

Пацифизм большевиков имеет свою историю, в которой нелишнее разобраться. Первой главой этой истории является замирение с новыми пограничными государствами путем определения взаимных границ и заключения первых пактов о ненападении (1922). Во второй главе — мотивы советского пацифизма углубляются, главным образом, под влиянием двух обстоятельств. Одно из них — это систематическая неудача всех разрушительных планов Коминтерна и последовавший затем закат Чичерина и Зиновьева (1925). Второй, *положительный* мотив, присоединившийся к этому *отрицательному*, — это зависимость СССР от Европы и Америки вследствие приступа к выполнению пятилетки (кредиты, экспорт, заказы, инженеры, машины и т. д.). С 1927 года Литвинов — новая звезда — становится непременным гостем европейских конференций. В третьей главе роль Литвинова растет по мере развивающегося кризиса женевских учреждений: Лиги Наций и Конференции о разоружении. Литвинову принадлежит идея так наз. «Восточного пакта», дающего определение наступающей стороны и имевшего громкий успех (3-4 июня, 1933). Наконец, четвертая и последняя глава советского пацифизма связана с вновь возникшей, весьма реальной опасностью на Дальнем Востоке и с соответственной необходимостью обеспечить мир на западной границе в виду приближающегося русско-японского конфликта. В этой главе выступает Эррио и заключается франко-советская и польско-советская дружба — против Германии. Параллельно выступает Рузвельт и совершается перестраховка в Америке — против Японии. Фронт против войны в Европе и в Азии обогащается новым членом и растягивается из Европы широким поясом, облегающим все северное полушарие.

Конечно, не для «мира всего мира» примкнули большевики к этому объединению. В других случаях они стараются, напротив, вызвать в мире рознь, а не мир. Очевидно, должны иметься на лицо какие-то особые интересы, близко их касающиеся и могущие быть нарушенными задорными соседями, если большевикам суждено будет остаться с ними один на один. Простая справка с фактами показывает, что в данном случае опасность угрожает не только интересам советской власти, но и интересам всего большого целого — территории России. Посмотрим же, в чем заключается эта опасность и насколько она реальна.

Начнем с Японии и вспомним прежде всего роль, которую она пыталась сыграть в русской Сибири, пользуясь своим участием на стороне наших союзников в великой войне. Американцы, которые с трудом согласились на участие Японии в интервенции против советской власти, в самом начале отметили оффициально, что эта интервенция может быть обращена против самой России. Скоро они сочли нужным указать Японии — тоже оффициально, что, вместо условленных семи тысяч, она выставила в Сибири в десять раз большее количество войска. Ее цель стала ясна, когда она попыталась занять Владивосток и приморские города, устья Амура и северный Сахалин. С чрезвычайным трудом и опять таки благодаря Америке — удалось заставить японцев эвакуировать занятые ими русские земли. Но у нас есть длинный ряд доказательств, что тогдашние намерения не забыты и что, особенно после превращения Манчжурии в японского вассала, захватные цели Японии стали проявляться все чаще и определеннее. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, напомню лишь заявление Матсуоки женевским корреспондентам в 1932 году. Он, по его словам, «открыто заявил советским политикам, что главная цель манчжурской операции — создать сильную оборонительную линию против СССР. Россия должна прид-

ти Японии на помощь в Манчжурии. Только в случае установления мира в Манчжурии, Япония может сохранить мир с советской Россией». Если же там не послушают этого совета, то, ведь *«история повторяется.* Мы были вынуждены вести с вами кровавую борьбу на полях Манчжурии: мы не уверены, что подобная борьба не повторится в будущем. Кто нам гарантирует, что *вы не принудите* нас воевать с вами. Для этого вовсе *не надо, чтобы вы на нас напали* вооруженной рукой. Экономический бойкот, вызванный коммунистической пропагандой, может стать причиной войны». В июне 1933 японская газета «Кокумин» раскрыла скобки, прямо предложив большевикам «продать Владивосток, Сахалин и всю Приморскую область». Мы узнаем даже и срок открытия дальневосточного конфликта из обнародованного большевиками документа. В заседании японской миссии в Харбине советник японского посольства Тани предупредил об этом по поводу конфликта на К.-В. ж. д.: «не надо прибегать к силе, имея в виду, что *до 1935 года* (см. выше то, что сказано о Германии) Япония не может создавать конфликтов на континенте».

Опасность захвата русских территорий в Европе выступает еще явственнее и имеет еще более давнюю традицию, чем мы это видели на Дальнем Востоке. Вот несколько цитат, расположенных хронологически, от 1903 до 1914 года. Число их можно было увеличить, сколько угодно:

1903. **P. de Lagarde** : «Мы должны создать центральную Европу, которая гарантирует мир на континенте с того момента, когда **русские будут выгнаны с Черного моря, а славяне — с юга,** и мы завоюем большие пространства на восток от наших границ **для германской колонизации».**

1906. **Klaus Wagner** : «Силою организуем великое **насильственное выселение низших народов.** Мы должны их принудить: такова задача войны. Надо закрепить их в узких «резервах» (так называются территории, оставленные в сев. Америке для остатков краснокожих **П. М.**). Это единственное решение расового вопроса, достойное человечества».

1912. **Бар. Фитингоф Шель** : «Наши границы слишком тесны. Мы должны проникнуться земельным голодом, должны **приобрести новые территории** для заселения. Иначе мы будем упадочным народом, придушенной расой».

1914. **K. Kuhn** : «Попытка Наполеона — привить **западно - европейскую** культуру Московитской империи кончилась неудачей. Теперь история сделала нас, германцев, наследниками наполеоновской идеи . . . Наша культурная миссия имеет целью — **сотни миллионов славян** и проводит свою географическую **границу на Уральском хребте».**

1934. **A. Hitler** (послед. издание Mein Kamf) : «мы, наци, бросили окончательно довоенную колониальную и экономическую политику и в будущем возвращаемся к **территориальной** политике.Если теперь мы говорим о **новой территории в Европе, то, прежде всего,** мы думаем **о России, о ее порабощенных окраинах».**

Как известно, эти однородные выражения новейшей стадии Drang nach Osten приняли во время последней войны совершенно конкретную форму, выразившись в систематической оккупации подлежавших захвату территорий в Украине и в Прибалтике, а также и в выработке предварительных условий Брест-Литовского мира. Только поражение Германии помешало ей довести свои планы до полного осуществления. Теперь она, как и Япония, вновь с ними выступает

Как относится советская власть к этим возможностям нового раздела русской территории? Формально, ее отношение выражается словами Сталина, многократно повторенным его подручными в торжественных официальных выступлениях. «Ни одной пяди нашей земли». Это звучит, как декларации наших венценосцев, начиная с Александра I. Но на самом-ли деле эффектная фраза Сталина имеет это принципиальное значение? Ведь завоеватели 25 октября 1917 года начали с заявлений, что коммунистическое отечество — там, где коммуни-

стическая власть, а русская территория для них есть только этап, ступенька лестницы к созданию мирового «отечества». В частности, известны их территориальные потери на западной границе: известна и готовность Сталина отдать японцам территории Дальнего Востока, *когда грозила опасность на западной границе*. Но реальная потеря территорий есть следствие проигранных войн, — отчасти проигранных не ими. Напротив, имеются примеры территориальной неуступчивости (Карелия относительно Финляндии) и принципиального непризнания потерь (Бессарабия относительно Румынии). *Если* возникнет альтернатива потери территории или потери власти, то, как показывает пример Брест-Литовска, большевики, конечно пожертвуют первой, а не последней. Но пока этой альтернативы не представляется, заявление Сталина, каковы бы ни были его мотивы, остается в силе. Единственно этот смысл имеют и соглашения в Европе (с Францией и Польшей), обеспечившие неприкосновенность западной границы и давшие возможность взять твердый тон в разговорах с Японией. Это последнее обстоятельство особенно интересно. На все нарушения договоров о Восточно-Китайской дороге, начиная с японского захвата Манчжурии, большевики отвечали самыми унизительными уступками. 2 мая 1933 г. Литвинов предложил даже японскому послу в Москве, чтобы «покончить со всеми конфликтами, осложняющими наши отношения», продать Японии и самую дорогу. Но как только большевики почувствовали свое положение укрепленным дружбой с Францией, положение изменилось. С этого момента конференция о продаже дороги затягивается; Приморская область спешно укрепляется, переводится на Д. Восток значительное количество войск, а советские аэропланы начинают грозить уже самому Токио и Осаке. Вместе с тем, японцам приходится изменить самый план их наступательной кампании. По сообщению харбинского корреспондента «Посл. Новостей» они сперва рассчитывали взять Владивосток и Приморье голыми руками, а всю силу сосредоточить на движении к Чите, где уже мерещилось им подобное Манджу-Ко «буферное государство». По мере развития советских вооружений этот план должен был уступить другому. Японцы почувствовали, что их подготовления недостаточны: может быть, этими соображениями и вызвана отсрочка «конфликта на континенте» до 1935 года.

Я не знаю, какова обороноспособность советской России, насколько боеспособна и технически вооружена красная армия, каков, следовательно, будет исход вооруженного конфликта. Но для меня ясно, что большевики серьезно считаются с возможностью этого конфликта и, на случай его неизбежности, принимают соответствующие меры. Мне представляется, что, *при данных условиях*, всякий министр иностранных дел вел бы в России ту же политику, какую ведет Литвинов, и всякий военный министр действовал бы так же, как Ворошилов. Но как действует — или как должна была бы действовать при подобном положении и в меру своих сил русская эмиграция?

Именно об этом спросил меня, после моего Лондонского доклада на ту же тему, как и настоящий доклад, Е. В. Саблин, бывший наш дипломатический представитель в Лондоне. Мой ответ был, по необходимости, краток*). Здесь я разовью его несколько подробнее. Это и будет предметом третьей, наиболее щекотливой и спорной части настоящего доклада.

Прежде всего, замечу, что с нашими советами эмиграции мы уже несколько запоздали. Известная часть этой эмиграции успела выбрать свою роль, не дожидаясь этих советов. И речь идет уже не о предстоящем выборе, а об оценке выбора совершившегося. Собственно, эта оценка дана уже тем обстоятельством, что упомянутая часть русской эмиграции организована или организуется теми самыми иностранцами, которые готовят вторжение в Россию, имея в виду, как мы видели выше, ее новый раздел.

Так, на Дальнем Востоке Япония упорно и настойчиво готовит русские кадры, долженствующие изображать из себя русскую ширму для неприятельского нашествия. Для этой цели японцы прежде всего хлопочут, чтобы участие русских эмигрантов в японском походе имело характер объединенного действия

---

*) Более подробный обмен мнений с Е. В. Саблиным читатель найдет ниже, в перепечатанных здесь из «П. Н.» статьях обоих собеседников.

всей эмиграции. В виду недостаточности авторитетных русских имен на месте, они даже выписывают предполагаемых вождей из Европы. Они готовы и рядовым эмигрантам дать средства для переселения на Д. Восток, причем обещают озаботиться там об их устройстве и даже дать им самоуправление. Однако, все эти блага даются под известными условиями. Токийский корреспондент харбинской «Зари» сообщил соображения по этому поводу «видного представителя японских военных кругов». Неназванный корреспондентом генерал (побывавший между прочим и в Германии и общавшийся там с эмигрантами), во-первых, требует, чтобы эмиграция была организована. Иначе, поддерживать ее будет «даже и вредно для Японии». Отсюда — газетный поход, направленный против меня лично, как «разъединителя». Меня объявляют одиноким в эмиграции. Во-вторых, генерал ставит ребром вопрос, чего хотят «белые русские»: «освобождения ли окраин, самостоятельности Украины и самостоятельности Сибири или же освобождения России в целом»? Генерал очень откровенно признает, что эта последняя задача Японию вовсе не интересует. Украина, повидимому, тоже оставляет его равнодушным, хотя японцы и перенесли свои заботы о независимости Украины в самую Европу, ссылаясь на то, что и на территории Забайкалья, подлежащей ихъ аннексии, имеются сплошные поселения переселенцев из Украины. Но вот «в освобождении Сибири от коммунизма Япония весьма заинтересована». Харбинский корреспондент «Посл. Нов.» сообщает подробности того, как идет в этом отношении обработка местных русских «патриотов», организуются их поездки в Японию, делаются попытки оживить «худосочную рать сибирских самостийников», ставятся темы об отделении Сибири от России в местном обществе сибиряков и скрещиваются шпаги самостийников с уцелевшими от соблазна сторонниками целости России. Ждут только момента, когда представители сибирских народностей «проявят свою волю».

В Европе «воля» эта проявляется и организуется с неменьшим усердием. Во главе движения стоят здесь, несомненно, украинцы Один «дипломат» сообщил сотруднику «Посл. Новостей», что Украина «предлагает себя всем, и во всех столицах сидит какой-нибудь гетман»*). Дело настолько подвинулось, что среди будущих вождей украинского государства уже проявляется своего рода «империализм» и стремление уберечь свою страну от дальнейших разделов, сохранив ее «единой и неделимой». Покровительство, оказываемое разным украинским группам некоторыми правительствами, слишком известно, чтобы нуждаться в дальнейших подтверждениях. Наши бывшие союзники действуют в этом отношении совершенно одинаково с нашими бывшими врагами. Но в ряду последних со времени прихода Гитлера к власти наблюдается особенно энергичная деятельность. Излюбленным «вождем» Украины является для германских наци ген. Скоропадский. Около него идет усиленная возня. Ему подчиняют и пресловутый «Ронд», поставив ген. Скоропадского над «ген.» Аваловым-Бермонтом, старым слугой Германии по приобретению Прибалтики в годы великой войны. Недавно в органе Воинского Союза «Часовой» появился любопытный разговор с «одним из виднейших вождей» наци. После обеда, за чашкой кофе, этот «виднейший» германский деятель разговорился и изложил собеседнику полный план германского захвата. Германия подготовит «русское правительство», которое поместит на-время на территории соседнего с Россией «независимого государства». В помощь ему, в момент, когда в России начнутся замешательства, будет дан «добровольческий отряд», навербованный из русских эмигрантов. Одновременно, произойдут в России восстания окраинных народностей и начнется «хаос», среди которого Германия сделает свое дело. Нельзя предположить, что эти откровения были простой импровизацией после сытного обеда. Планы Германии напасть на Россию при содействии украинцев и русских эмигрантов подтверждаются и подробным докладом Коссиора на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, в конце 1933 года. Как оказывается, знаменитый Коновалец, поддержи-

---

*) Эта ироническая фраза вызвала письменный протест одного украинца из Стамбула, и мне пришлось объяснить ему, что, конечно, «предлагает себя» не сама Украина, а те многочисленные «правительства», которые считают себя вправе говорить за-границей от ее имени.

ваемый германцами глава УВО (украинской военной организации), успел завести связи с украинскими самостийниками внутри России, подготовляя вооруженное восстание, как сигнал для интервенции. Было рассказано при этом, какие компенсации будут предложены Польше за согласие на интервенцию и за возвращение занятых ею территорий, которые Германия продолжает считать своими. Разница с сообщениями «Часового» тут только в том, что «виднейший вождь» наци считает отдачу Польше «черноморского коридора» (т. е. правобережной Украины с выходом к Черному морю) пустым слухом. Но эта деталь как раз и подтверждает достоверность общего плана обменов, — плана, известного, впрочем, и из других источников.

Каково отношение самой Польши к этим приготовлениям за ее счет? Ответить определенно на этот вопрос в данный момент довольно трудно. Поставленная между двумя потенциальными врагами, более сильными, чем она сама, Польша вынуждена вести двойную политику. Наше поколение помнит еще «поворот» к России Дмовского, в его книге 1908 года. Во время германской оккупации пришлось повернуть снова в обратную сторону, и польские политики разделились между двумя ориентациями. Когда одна из них, союзническая, победила, тот же Дмовский с большим искусством провел в Версале идею замены России Польшей в качестве стража цивилизации на востоке Европы. Польша вошла в тесный союз с Францией. Но в последнее время уже проявлялись признаки нетерпения и нежелания оставаться «вассалом» Франции. Мы присутствовали, в последнее время, при попытке перестраховки Польши сближением с Германией — при успокоительных уверениях, даваемых старому союзнику и новому другу — советской Москве. Проекты раздела Украины, развивавшиеся в Европе Розенбергом и Гугенбергом, видимо, обеспокоили поляков. Тем менее они склонны разрешить германским войскам, для осуществления этих планов, свободный проход через свою территорию (другой путь для интервенции в России — через Литву и Латвию — гораздо менее удобен в военном отношении). Во всяком случае, до сих пор Польша придерживается французской ориентации и угроза германской войны ее в этом укрепляет.

Как видим, России грозит в близком будущем одновременное нападение и раздел и с Запада и с Дальнего Востока. В осуществлении этого плана правая часть русской эмиграции *уже приняла* и там, и здесь активное участие. Ее роль при этом — печальная и унизительная. Увлеченная идеей покончить «каким бы то ни было способом» с властью коммунистических захватчиков и освободить население России от испытываемых им страданий, эта часть эмиграции видит в германской и японской интервенции ближайший способ достигнуть желанной цели. Она не хочет замечать, что играет лишь роль орудия для осуществления собственных целей интервентов и добровольно закрывает глаза на имеющие получиться последствия. Ее расчет на успех основан на предположении, что население России разделяет ее политические и национальные взгляды, что общее недовольство распространяется на красную армию и делает ее небоеспособной, что можно «убедить» интервентов, что сильная и единая Россия для них выгоднее «балканизированного» востока Европы, и что, в конце концов, с неизбежными отпадениями самостийных народностей можно будет справиться впоследствии.

Все эти соображения более или менее гадательны. Все они не считаются с ближайшими возможностями и направлены, поверх текущего момента, к более или менее отдаленным перспективам. А желание, во что бы то ни стало, приблизить эти перспективы, приводит к совершенно фантастическим и нереальным политическим построениям. К числу таких построений приходится отнести и то, которое я нахожу у «просящего моих инструкций» Е. В. Саблина. Он сводит смысл этих инструкций к решению двойной задачи: «способствовать *падению советской власти* без того, чтобы одновременно не *распалась Россия*».

Очень характерно и ново в этой постановке то, что первая, всегдашняя и общая задача русской эмиграции (свержение советской власти) ставится в *зависимость* от второй, специальной задачи (предупреждение распада России). Этим Е. В. Саблин отделяет себя от правой части эмиграции и вносит в обсуждение вопроса новую черту. Но не менее характерно и то, что он продолжает ста-

вить первую задачу впереди. как бы не предвидя, что ее *одновременное* преследование может оказаться несовместимым с достижением второй цели — сохранения целости русского государственного организма. Что же, если придется при этом выбирать одно из двух: сохранение теперешней власти или распад России: на какую сторону склонится выбор Е. В. Саблина?

При моей постановке вопроса трагедия этого «или-или» совершенно устраняется. Борьба с советской властью — наша длительная и постоянная цель. Предупреждение распада России выдвинулось, как настоятельная задача текущего момента, именно в последние два года. Как бы мы ни смотрели на владычество коммунистов над Россией, мы должны признать, что, поскольку эта власть оберегает целость русской территории, она исполняет не свою, а общенациональную задачу. Пытаться заменить в этот момент власть другой значило бы ослабить обороноспособность государственного организма и способствовать созданию того самого «хаоса», на котором строит свои планы «влиятельнейший вождь» наци. Мое дальнейшее соображение касается того, что при преследовании обеих указанных задач возможности эмиграции совершенно различны. Пятнадцатилетний опыт борьбы за свержение советской власти показал, что силы эмиграции для достижения этой цели совершенно недостаточны. Это не значит, конечно, что эмиграция должна отказаться от борьбы и примириться с советской властью; тогда она потеряла бы все остающееся ей значение. Но с самого начала было ясно, что свержение власти силами одной эмиграции неосуществимо, и расчеты разных частей эмиграции пошли по двум неодинаковым направлениям. Одни продолжали упорно возлагать надежды на иностранную интервенцию; другие рассчитывали на внутренние силы России. Мой практический вывод отсюда был и остается тем, что помочь освобождению России эмиграция может в очень малой степени.

Зато факты, сообщенные раньше — и далеко не новые в случаях интервенций, — приводят меня к заключению, что *повредить России* — и именно ее целости — эмиграция *может*. Тут уже дело сводится не к нашей собственной силе, а к эксплуатации нашего имени врагами России. Напомню только, что ведь планы раздела России касаются не только России *советской*. И у японцев, и у германцев эти планы, как мы видели, возникли еще при существовании национальной власти. И теперь люди, считающие себя представителями *национальной России,* готовятся санкционировать не только своим присутствием, но и своим активным участием планы наших врагов — врагов не советской власти только, а России. Их значение в этом отношении имеет, несомненно, некоторую внутреннюю ценность, которая и котируется на иностранных политических биржах. Еще выше котируется в этом отношении ценность стремлений наших окраинных народностей. Вот к какому делу поспешила правая эмиграция приложить свои руки.

Добросовестные русские патриоты не могут отрицать силу и убедительность приведенных мною соображений. Не отрицая их, они лишь пытаются связать их с сохранением своей общей отрицательной позиции относительно советской власти. Повторяю: связать то и другое в плане настоящей минуты значило бы только содействовать политической маскировке. Но когда речь идет не о действии, а о воздержании от действия, — пусть даже временном, — моя постановка не требует никаких отречений и никаких капитуляций. Недобросовестность или страстность моих противников может утверждать противоположное. Но с этой, сознательной или бессознательной трансформацией моей мысли я давно уже свыкся. Она не может помешать мне сказать то, что я ясно вижу, и предостеречь моих соотечественников от того, что — увы, я слишком ясно предвижу.

П. МИЛЮКОВ.

П. ГРОНСКИЙ

ПОСЛЕ XVII-го СЪЕЗДА

На 17-ом съезде Компартии подверглись особо суровой критике как со стороны самого Сталина, так и со стороны его адъютантов «экономические» наркоматы, те наркоматы, которые ведают советской промышленностью и сельским хозяйством. С исключительным «подъемом» критиковал советскую экономическую политику Рудзутак, смещенный с весьма ответственного поста председателя центральной контрольной комиссии, ввиду ее упразднения и создания вместо нее комиссии партийного контроля. Сталин лишь поставил главные вехи той кампании критики советского хозяйства, которая подробнее развита была другими ораторами: Рудзутаком, Ворошиловым, и самими наркомами, послушными воле Сталина и занявшимися своеобразным самосечением по классическому рецепту коммунистической самокритики.

Но когда отшумели речи на съезде и обычные советские будни с их беспросветностью полного тупика хозяйственной жизни страны вошли в свои права, то оказалось, что критика мало помогает исправлению катастрофического положения советского народного хозяйства и что попрежнему промышленность, сельское хозяйство, а, в особенности, транспорт, находятся в хроническом состоянии прорыва. За те полтора месяца, которые истекли со дня закрытия 17-го съезда, чуть ли не в каждом номере советских газет можно найти бесконечные ламентации по поводу плачевного советского хозяйства. Данные о добычи угля за март месяц свидетельствуют, что Донбасс «начал опять сдавать темпы». Особую тревогу вызывает мартовское снижение добычи, так как оно вызвано, главным образом, падением производительности труда и ростом текучести рабочей силы. В январе среднесуточная добыча в Донбассе составляла 145.253 тонны, в феврале — 143.526 тонн, а в первой декаде марта всего лишь 140.343 тонны («За Индустриализацию» 18 марта). Шахтеры с наступлением весны, измученные тяжелыми условиями работы, и полной неприспособленностью поселков при шахтах к мало-мальски сносным условиям существования, «бредут розно» и мечтают только об одном — сбежать с работы. Все старания закрепить их на шахтах ни к чему не приводят. Кривая добычи нефти как в Бакинском районе, так и в Грозненском систематически идет книзу. Трест Грознефть ежедневно недодает стране около 6 тыс. тонн нефти.

Значительно ухудшилась также работа тяжелой промышленности. По словам «Прав.», «кривая проката металла в первой декаде марта резко колебнулась вниз, продолжается отставание медной промышленности. Ухудшила свою работу коксо - химическая железорудная промышленность, *что создает угрозу тылу черной металлургии*». («Правда» 19 марта). На совещании директоров предприятий тяжелой промышленности в Екатеринбурге выступил с большим докладом зам. наркомтяжпрома Пятаков. Говоря о медной промышленности, Пятаков заявил: «*нет слов подходящих, чтобы охарактеризовать степень безобразной работы медной промышленности.* Красноуральская обогатительная фабрика должна извлекать из руды 83% меди, а фактически дает 61%. Перед приездом контрольной бригады, красноуральцы решили немного почистить свою базу и вывезли... 800 тонн грязи и мусора. На руднике «3-й Интернационал» начальником продснаба был некий Климов, который систематически расхищал продовольствие. Когда его арестовали, то выяснилось, что он неоднократно судился за убийства».

Не лучше обстоит дело и на аграрном фронте. Сталинский лозунг о создании зажиточных колхозных хозяйств, который должен был, по наивным предположениям советского диктатора, создать новые стимулы для поднятия производительности труда в деревне, был подхвачен на местах лишь советскими чиновниками и не за совесть, а за страх преданными «великому вождю» многотерпеливыми партийцами. Основная крестьянская масса относится к обещаниям советских вождей весьма осторожно, даже, можно сказать, критически. В деревне, по словам передовика «Правды», среди колхозников идут разговоры о том, что «*колхознику надо осторожно становиться зажиточным, чтобы не окулачиться, не оторваться от бедняцкого революционного класса*» (№ от 26 марта). У крестьян до сих пор еще свежи в памяти сцены раскулачивания эпохи насаждения колхозов в деревне. Понятно, что они не верят обещаниям правительства. Да и как можно мечтать о создании зажиточных хозяйств, когда в деревне нет семян, а те, которые находятся в закромах, негодны для сева. Если в Черниговской области в результате проверки семенных запасов выяснилось, что семена частью разворованы, а частью съедены местным населением, вследствие недостатка хлеба, а конский состав находится в весьма печальном состоянии и уменьшился за три года проведения политики коллективизации ровно на-половину, (как это признал сам Сталин в своей речи на 17-ом съезде), то, само собой разумеется, нельзя даже и поднимать вопрос о зажиточной колхозной жизни.

Крестьянство в ответ на призыв Сталина о

«честной работе» в колхозах на пользу социалистического отечества, отвечает тем, что уничтожает последние остатки и без того весьма немногочисленного скота. Отовсюду идут известия об уничтожении скота, в особенности молодняка. В Белоруссии ЦК КПБ отправил в Дубровинский район «ответственных работников ЦК и белорусского наркомзема для расследования фактов незаконного убоя скота. Из других районов также поступили сведения о массовом убое скота» («Правда», 20 марта). В Казакстане нет сена для корма скота. Директора совхозов «носятся по учреждениям, просят, уговаривают и убеждают: «дайте сена»! В овцесовхозах Павлодарской группы ценнейшие тонкорунные овцы лишены корма. («Изв.», 27 марта). И в московской области, подобно Белоруссии и Северному краю, идет повсеместный убой молодняка. В Кологривском районе Нижегородского края «только по трем сельсоветам из ста родившихся телят зарезаны 73». Председатель Килюковского сельсовета Никулкин безнадежно машет рукой:

— Что я могу сделать!

Ничего не могут сделать с пассивным сопротивлением крестьянства, не желающим становиться зажиточным из опасения новой волны раскулачивания, и пресловутые политотделы, на которые несколько месяцев тому назад возлагалось так много надежд. В политотделах, повидимому, начинают разочаровываться, это в особенности очевидно по отношению к политотделам на транспорте, на которых теперь, повидимому, поставлен крест. Московский комитет ВКП 20 марта провожал из Москвы 300 человек отборных партийцев, которые отправлены по распоряжению ЦК ВКП на железные дороги для поднятия настроения. С приветственной речью выступил главный адъютант Сталина Каганович. Отправляя новую отборную коммунистическую фалангу для работы на железных дорогах, Каганович жаловался на то, что *«политотделы транспорта не сумели обеспечить к настоящему времени перелома в работе. Они не поняли необходимости поднять организацию транспорта на должную высоту»*. Передовик «Правды» в номере от 29 марта дает директивы тем 300 отборным коммунистам, которые отправлены политбюро на узловые станции и в железнодорожные депо на помощь политотделам, и требует от посылаемых энергичной работы по реорганизации транспорта, подтягиванию местных работников и поддержке политотделов в их борьбе за оздоровление советских железных дорог. Нередко транспортную сеть сравнивают с нервной системой человеческого организма. Если транспорт не в порядке, его система расстроена и функционирует неправильно, то от этого должен страдать весь организм советского хозяйства. Срочные семенные грузы не смогут быть доставлены во время совхозам и колхозам. Советские фабрики и заводы останутся без необходимого для них количества топлива и сырых материалов, а население как деревень, так и городов не будет во время снабжено необходимыми продуктами и товарами широкого потребления. За последние два месяца в советских газетах заведен специальный отдел, в котором ежедневно помещаются сообщения о безобразной работе советского транспорта. В одном только номере «Известий» от 29 марта сообщается о трех серьезных крушениях, происшедших на советской железнодорожной сети.

Такова, по сведениям самой советской печати, картина развала советской хозяйственной жизни. Все призывы, идущие из центра, если и достигают до периферии, то встречают упорное сопротивление со стороны местного населения, советских чиновников, рядовых партийцев и даже тех политотдельщиков, на коих возлагалось еще недавно так много надежд. Широковещательные резолюции 17-го съезда об оздоровлении транспорта, о зажиточной жизни колхозников, о борьбе с «болтунами и вельможами», об установлении дисциплины, порядка и ответственного единоначалия в советских учреждениях и на социалистических фабриках и заводах перепеваются на все лады местным начальством и партийными активистами, но рядовые коммунисты и многочисленные советские чиновники попрежнему остаются глухи к призывам московского центра. А «колхозное крестьянство» никак не хочет поверить в искренность сталинской пропаганды новой зажиточной жизни.

Н. ГРОНСКИЙ.

В. ПОПОВ

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В СССР

«В то время, когда в странах, охваченных мировым экономическим кризисом, 30 миллионов безработных, членов их семей и других лиц, от них зависящих, свыше 60 миллионов человек влачит полуголодное существование, в то время, когда промышленная продукция в этих странах в 1932 году, по сравнению с 1928 годом, уменьшилась на 33% и число рабочих, в большинстве стран, катастрофически сократилось, —Союз Советских Социалистических Республик не знает ни кризиса, ни безработицы, ни па-

дения заработной платы; его промышленная продукция за годы пятилетки возросла на 219% и число рабочих и служащих увеличилось с 11,6 до 22,8 мил. человек» — так говорил 14-го июня 1933 года на Лондонской Экономической Конференции делегат СССР — наркоминдел Литвинов.

«СССР — единственная страна, где нет кризиса, где есть расцвет промышленности и сельского хозяйства, техники и культуры. Молодежь советской страны не знает, что такое безработица, голод и нужда».

«СССР — единственная страна, которая ввела самый короткий рабочий день в мире — 7 часов».

«СССР — единственная страна в мире, где непрерывно увеличивается заработная плата и систематически улучшается положение рабочего класса» — читаем мы в оффициальном органе Центрального Совета Профессиональных Союзов — газете «Труд».

Эти и подобные им заявления делаются представителями советской власти при каждом удобном случае и, благодаря частым повторениям, отсутствию должной отповеди советскому бахвальству, а также благодаря подтверждению (я оставляю тут в стороне, по каким именно причинам, так как для меня важен самый факт, а не его обоснование) советских успехов со стороны влиятельных иностранных туристов — все это приводит к тому, что в иностранном общественном мнении создается убеждение как в «несомненных успехах сов. власти», так и «в благоприятных условиях жизни трудящихся в стране Советов».

Большевистская пропаганда, в особенности, заявления о ликвидации безработицы и о сокращении до 7 часов рабочего дня, производят свое впечатление и на некоторую часть русской эмиграции, и сейчас, все чаще, приходится встречать лиц, искренне полагающих, что при советской власти положение трудящихся и, в частности рабочих, стало много лучшим, чем оно было прежде.

Осветить вопрос, каково действительное положение трудящихся в сов. России и таково ли оно, как его изображают представители сов. власти и составит предмет нашей статьи.

Начнем с главного козыря сов. власти — с «ликвидации» безработицы. Как это могло случиться? Страна, быстро идущая по пути машинизации, страна тракторов, комбайнов, новейших, усовершенствованнейших машин — последнего слова индустриальной техники, страна, где, казалось бы, в виду замены ручного труда механическим, ежедневно должны были бы выбрасываться на улицу новые и новые толпы безработных, не только не увеличила их числа, но и полностью ликвидировала безработицу. Ведь самим пятилетним планом предусматривалось, что к концу первой пятилетки число безработных должно было достичь полумиллиона человек и самим коммунистам эта цифра казалась черезчур оптимистической. На 1ое апреля 1929 года число безработных достигало 1.741,1 тыс. чел. (по исчислению профсоюзов 2.293.800 чел., так как они включали сюда и незарегистрированных на бирже труда). Что произошло, что в корне изменило положение и полностью ликвидировало безработицу? — Не что иное, как воля сов. правительства. Последнее решило покончить с безработицей и провело эту реформу одним росчерком пера. Безработица была «ликвидирована» постановлением ЦИК компартии, которое было проведено в жизнь постановлением Наркомтруда 9-го октября 1930 года.

«В виду полной ликвидации безработицы в СССР и огромного недостатка в рабсиле во всех отраслях народного хозяйства — читаем мы в этом постановлении — НКТруда СССР предлагает органам труда **принять меры к немедленной посылке всех числящихся на учете органов труда безработных на работу,** а страхкассам **прекратить выплату пособий по безработице с ноября 1930 года.**

«Органы труда обязаны принять меры к немедленной посылке безработных на работу, в первую очередь лиц, имевших право на пособие по безработице. **Безработные должны направляться не только на работы по их специальности, но также и на другие работы, не требующие особой квалификации»**

«Никакие мотивы отказа от предлагаемой работы за исключением болезни, подтвержденной больничным листком, не должны приниматься во внимание. Отказ от работы должен влечь за собой снятие с учета биржи труда».

В этом постановлении было внутреннее противоречие. Если безработица ликвидирована, то, казалось бы, нечего и посылать на работу и лишать пособия, — если же таковые были, то значит безработица не ликвидирована. Конечно, никакой ликвидации безработицы фактически не было, а просто перестали выдавать безработным пособия и упразднили самый термин «безработица». С ноября 1930 года учета безработных более не ведется и сказать, сколько, где именно и какой квалификации сейчас имеется в СССР безработных невозможно.

Перейдем теперь ко второму козырю большевиков — к 7-ми часовому рабочему дню. Этим козырем большевики пользуются часто и притом не без успеха, так как оспаривать, что рабочий **по основной своей работе** занят более 7 часов, почти не приходится. Имеются, однако, указания, что рабочих часто задерживают на сверхурочные работы, по большей части, для «штурма» какого нибудь прорыва плана, что заводская администрация старается скрывать факт сверхурочных работ и делает все, чтобы оплачивать их в ординарном размере (что фактически является лишь увеличением числа рабочих часов) иногда заставляет работать даже в выходные дни. По сведениям газеты «Труд» в Ивановской области за 1933 год было 5,5 мил. сверхурочных часов. На Уральском машино-строительном заводе в 1933 году — 238.862 час., в январе 1934 г. — 37.000 час., на Магнитогорском заводе за январь — 66.718 час.. На Черепетском чугунолитейном заводе группа рабочих на протяжении трех месяцев изо дня в день работала в среднем по 15 часов в день. На заводе имени

Ильича за январь 391 раб. отработали 4.493 часов сверхурочно, в феврале — в литейном цехе — 57 раб. — 795 час., а в модельном цехе — 29 чел. — 1.177 часов. В марте сего года директор завода Давыдов отменил выходные дни до 1-го апреля. На московском заводе «Геофизика» от ударников требуют работать для выполнения производственной программы, сверх нормального времени, сколько понадобится. («Труд» от 18 марта).

Помимо своей основной работы, каждый трудящийся в СССР обязан отдавать несколько часов в сутки бесплатной общественной работе. Еще в 1918 году Лениным был написан проект декрета, первый пункт которого гласил: «Каждый рабочий, отработав 8 часов в сутки, обязан три часа ежедневно (или по 4,5 часа в сутки с третьим днем отдыха) работать в области военной или административной».

Аналогичное постановление мы находим и в уставе компартии и коминтерна. Там также каждый трудящийся обязан ежедневно уделять два часа, без особого вознаграждения, теории ремесла и производства, практическому изучению техники государственного управления и военного искусства».

В настоящее время директива Ленина и партии проводится энергично в жизнь и бесплатная работа «добровольческого рабочего актива» в коммунальных органах и, особенно, в профсоюзах, увеличивается с каждым днем. Выкинут лозунг, что «ударник-доброволец должен стать центральной фигурой профаппарата» и многие профсоюзные организации уже полностью упразднили у себя платный профаппарат. Десятки тысяч рабочих работают в госучреждениях в качестве соцсовместителей, выполняют обязанности прокуроров, следователей, судей и т. п. На имевшем место в марте сего года 1-ом всесоюзном слете шефбригад и соцсовместителей, руководитель профсоюзов Шверник дал директиву добиться вовлечения новых сотен тысяч рабочих в эту бесплатную для государства работу. Работа эта отнимает по 2-3 часа в день, требует еще особого времени для приобретения специальных знаний.

Помимо этой работы не только сами трудящиеся, но также и члены их семей побуждаются к работам на огородах, пригородных совхозах и колхозах и отказ от этих работ резко осуждается («Труд» от 22 октября). Количество отработанных на огородах трудодней на отдельных предприятиях достигает многих десятков тысяч и эта работа не только удлиняет рабочий день, но часто лишает его и заслуженного недельного отдыха. Последнее время от рабочих требуют также работ по ремонту жилищ и жилищному благоустройству. Постановлением секретариата ВЦСПС был, например, организован месячник с 25 октября по 25 ноября подготовки рабочих жилищ к зиме, причем особо подчеркивалось, что рабочие и инженерно-технические работники могут быть заняты лишь в часы, свободные от работ на производстве. На Горловке этой работе уделяется по 4 часа ежедневно.

Сведения, идущие из России, говорят нам о чрезмерной перегруженности трудящихся всякого рода «нагрузками» и фактически трудящиеся работают для государства не 7, а 10 и даже более часов ежедневно.

Чистейшей демагогией является заявление о неизменном повышении заработной платы. Да, если считать за зарплату количество уплачиваемых за труд сов. рублей, то зарплата, действительно, постоянно растет, но если принять во внимание падение сов. денег и покупной ценности сов. рубля, то зарплата не только не увеличивается, но резко падает. Сов. рубль стоит сейчас не более 6 коп. Чтобы оставаться на прежнем уровне зарплата должна была бы подняться в 16—17 раз, а ничего подобного не произошло. Трудящемуся на заработанные им деньги ничего абсолютно не продадут в Торгсине, так как там берут не обесцененные, а только полноценные деньги и там сов. рубль ничего не стоит. Не много трудящийся, в среднем зарабатывающий 150 руб. в месяц, сможет купить и в так называемых «коммерческих» магазинах. Там, по нашим данным, надо заплатить 42 рубля за кило масла, 20 руб. за кило сыра, 25 — за кило колбасы.

Последнее время в сов. прессе все чаще и чаще сообщаются случаи обсчетов рабочих. Происходит это и бессознательно, вследствие невежества нормировщиков и сознательно, с целью уменьшить расходы по фондам зарплаты. На Харьковском паровозном заводе был счетовод Коновалов, который всюду пропускал нули. Рабочему надо уплатить за 2027 деталей, оплачивалось 227, вместо 7310 — 731, вместо 4570 — 457. Недоплаты доходили иногда до 100 — 150 рублей в месяц («Известия» 23 ноября). Как правило, рабочие до выдачи денег не знают, сколько они заработали, и не могут проверить правильности расчета. В ОРС-ах (отделах рабочего снабжения) стараются либо ничего не заплатить за отработанные на огородах трудодни, либо платят гнилыми, испорченными овощами. Очень часты за последнее время задержки выплаты зарплаты. Например, по заводам машиностроения Украины задолженность дошла до миллиона рублей, еще недавно мы читали, что кое где не выплачена зарплата даже за 1932 год.

Организация труда, по признанию самих сов. деятелей, поставлена «безобразно, отвратительно, головотяпски». Сплошь и рядом рабочий низшей квалификации зарабатывает больше рабочего высшей квалификации и подметальщики получают больше высококвалифицированных рабочих. За одинаковую работу не только в разных предприятиях, но даже в одном и том же платят разно. С целью поднять производительность труда, введена неограниченная сдельщина, но низкое качество сырья, отсутствие инструментов и нужных деталей, неправильность нормировок и безобразно - бюрократическая постановка дела на предприятиях сводят на-нет усердие рабочих и лишают их заслуженного заработка. Вместо спокойной работы введена нездоровая конкуренция — соперничество, носящее громкое название

«социалистического соревнования», создаются особые бригады ударников. Каких только бригад не знает сов. промышленность — ударные, сверхударные, сквозные ударные, бригады рационализации, плановые и планово-оперативные, бригады общественного буксира, образцовой продукции, низкой себестоимости, борьбы за качество, бригады встречного промфинплана, хозрасчетные и, наконец, бригады ДИП, т.-е. догнать и перегнать Америку и др. индустриальные страны. За последнее время, в виду систематического невыполнения взятых на себя заводоуправлениями обязательств и неуплаты обещанных премий, большинство хозрасчетных и др. бригад прекратили свое существование и о них все реже говорится в сов. прессе.

Следует особо отметить слабую постановку на предприятиях охраны труда. Отсутствие ограждений у машин, пренебрежение правилами безопасности и гигиены, систематическое неиспользование отпускаемых на охрану труда кредитов (тут, главным образом, сов. администраторы наводят экономию), все это влечет резкое ухудшение условий безопасности труда и порождает огромный процент травматизма.

Созданная в интересах трудящихся особая трудовая прокуратура и особые сессии народных судов с 1930 года преобразованы в прокуратуру и суды **по охране труда и производства** и фактически стали охранять интересы только последнего. С реорганизацией в 1929 году профсоюзов и вменением им в обязанность борьбы за выполнение промфинплана, профсоюзы перестали быть органом защиты интересов рабочего класса и, нередко, действуют явно во вред ему. По признанию Кагановича на 17 съезде компартии, «члены фабзавкомов не страдают тред юнионистскими болезнями и работают упорно и настойчиво над осуществлением задачи по развитию социалистического соревнования и ударничества, по подъему производства». Все вышесказанные обстоятельства влекут бегство рабочих с предприятий. Тщетно правительство издает декрет за декретом, карающие «летунов и дезертиров производства», запрещает брать их на другую работу, судит и наказывает. Текучесть не только не падает, но растет и не мало предприятий, где в течение года полностью обновляется их рабочий состав.

Недостаток места не позволяет мне подробно остановиться на материально - бытовых условиях жизни трудящихся, и я ограничусь самым кратким обзором их. Прежде всего следует отметить кошмарные жилищные условия. Жилищная теснота в настоящее время чрезвычайна. Уже редкостью являются нормы 6 — 7 кв. метров на человека, часто норма опускается до 5 и даже 4 кв. метров. На страницах сов. газет, нередко, можно найти объявления инженеров и др. научных работников, ищущих комнату, полкомнаты и даже угол. В марте 1932 года Совнарком СССР приказал в двухгодичный срок построить для специалистов 102 дома на 11.500 квартир, но два года истекли и выстроены лишь один дом в Калинине (бывш. Тверь) на 50 квартир и один дом на 100 квартир в Москве. Украина израсходовала 16 мил. из 18, а не закончила еще ни одного дома. Жилищное строительство, по признанию самих большевиков, идет безобразно. Дома сдаются, как правило, в эксплоатацию неоконченными. Качество стройки ниже всякой критики и бывают случаи, что рабочие отказываются вселяться в новые дома. Красивые на фотографиях дома оказываются совершенно негодными для жилья; в них текут крыши, обваливается штукатурка, косятся полы, повсюду зияют огромные щели. Неуспев выйти из стройки, они уже нуждаются в ремонте. Обычно дома эти строятся без погребов, чуланов и рабочему негде держать овощи и другие припасы.

Еще хуже обстоит дело с продовольственным вопросом. Созданные в декабре 1932 года, взамен заводских рабочих кооперативов, ОРС (Отделы рабочего снабжения) не только не улучшили дела, но еще более его ухудшили. За год существования ОРС растратили многие миллионы рублей, не говоря о колоссальных убытках. Как правило, в лавках ОРС-ов рабочих обмеривают, обвешивают и обсчитывают в столовых недодают положенного на порцию количества, кормят несытно и невкусно. Пригородные хозяйства ОРС-ов ведутся также безобразно и овощи там гибнут массами. Очень хорошо характеризует положение фраза, относящаяся к Днепропетровскому ОРС-у: «Путь овоща от грядки к столу рабочего многоэтапен и на каждом этапе вершитель бурачных и картофельных судеб — ОРС — уготовил им тяжелые, смертельные удары». Рабочие в сов. России питаются плохо — систематически недоедают. Как это отмечал Шверник, есть тенденция ставить дело так: «Ешь, что дают, когда дают и как дают».

Еще хуже обстоит дело с одеждой и обувью. Качество последних настолько низкое, что бывают случаи, что вещь разваливается при одном прикосновении. Полученные с рабочих целевые авансы обычно остаются непокрытыми. Нужда в одежде и обуви очень большая.

Резюмируя все сказанное, нужно признать, что советская действительность совсем не такова, как ее изображают сов. правители и что не исключительно благоприятные условия жизни трудящихся создала советская власть, а систему, порождающую условия, самими большевиками определяемые, как «безобразно-издевательское отношение к рабочим», «обжуливание», «обкрадывание» и «обсчитывание» их.

Все это привело к упадку энергии и растущему среди рабочих недовольству, и не случайно советская пресса в последнее время чаще говорит не об ударничестве и соревновании, а о недостатках советского быта.

В. ПОПОВ.

М. БАГДАСАРИАН

Эмиссионные банки и их роль в народном хозяйстве

С развитием капитализма громадное значение в хозяйственной жизни приобрел кредит. Экономическое развитие страны зависит, в значительной степени, от того, насколько правильно организовано финансирование народного хозяйства. Страна не может хозяйственно процветать, если кредитная политика банков не соответствует ее нуждам. Роль банков огромна. Банки финансируют народное хозяйство, главным образом, посредством учета товарных векселей. Их возможности в этой области были бы весьма ограничены, если бы эмиссионные банки не приходили бы им на помощь переучитыванием векселей. Таким образом частные банки находятся в известной зависимости от эмиссионных банков. Расширение или сужение кредитов и денежного обращения зависит, в конечном итоге, от эмиссионных банков. Именно поэтому, политика эмиссионных банков, в частности их дисконтная политика, имеет огромное значение в хозяйственной жизни страны.

Но если уже сегодня роль эмиссионных банков в хозяйственной жизни огромна, то, надо полагать, что в ближайшем будущем эта роль еще увеличится. На наших глазах меняется структура капиталистического строя: период «свободной» хозяйственной деятельности отходит в область истории и капитализм постепенно вступает в новую фазу своего развития, в фазу управляемого хозяйства. При управляемом же хозяйстве на эмиссионные банки будут возложены новые задачи, для осуществления которых им придется вести более активную политику, влиять сильнее на денежно-кредитный рынок.

Что касается, в частности, нашей родины, то, несомненно, что и там, как бы сильно ни изменились существующие сегодня экономические условия, не может быть возврата к старому и государство будет и впредь играть крупную роль в хозяйственной жизни страны. В связи с этим, поле деятельности эмиссионного института будет весьма обширным. Успешное же выполнение возложенных на эмиссионный институт обязанностей зависит не в малой мере от устройства самого эмиссионного института.

Каким же должно быть устройство эмиссионного банка нашей родины, чтобы оно могло бы лучше всего отвечать интересам народного хозяйства?

Конечно, сейчас преждевременно говорить о деталях устройства эмиссионного банка. Для этого нужно знать точно те экономические и политические условия, в которых будет протекать деятельность эмиссионного банка. Но наметить основные черты устройства эмиссионного банка мы можем и сейчас. Говоря об «основных чертах» устройства, мы тем самым подымаем — во-первых — вопрос о том, что предпочтительнее: централизованная или децентрализованная банковская система и, во-вторых, вопрос о том, должен ли эмиссионный банк быть государственным, или частным учреждением и, если частным, то должно ли государство вмешиваться в его управление и в какой мере?

Постараемся ответить сперва на первый вопрос.

Навряд ли сегодня найдется много сторонников децентрализованной системы. Такая система могла существовать и существовала, как известно, в период, когда эмиссионные банки рассматривались, как частно-хозяйственные, а не общественные учреждения. Но, когда к середине 19-го века роль и значение эмиссионных банков были осознаны, Европа пошла по пути централизации эмиссионных банков. Это стремление всех европейских государств к созданию одного центрального эмиссионного банка объясняется тем, что при децентрализованной системе, эмиссионные банки не были в состоянии выполнить те задачи, которые вызывались интересами народного хозяйства. При децентрализованной системе страдает эластичность денежного обращения. Эта эластичность поддерживается путем расширения или сокращения выпуска банкнотов. Выпускаемые же банкноты вводятся в обращение эмиссионными банками, благодаря учетно-ссудным операциям. При наличии же многих эмиссионных банков, которые, прежде всего, преследуют свои собственные интересы и которым выгодно расширять, а не сокращать учетно-ссудные операции, денежное обращение имеет тенденцию постоянно увеличиваться, что не всегда отвечает интересам народного хозяйства.

Далее полную несостоятельность обнаруживает децентрализованная система в защите национальной валюты. Ей не по силам регулирование ввоза и вывоза золота. Главным средством защиты национальной валюты является дисконтная политика эмиссионных банков. При наличии же многих эмиссионных банков не может быть единства в дисконтной политике, так как каждый из эмиссионных банков ведет свою дисконтную политику, считаясь прежде всего с условиями местного рынка. Отсутствие же единой дисконтной политики делает невозможным защиту национальной валюты.

Эти и ряд других недостатков децентрализованной системы заставили европейские государства стать на путь централизации эмиссионных банков. Английский Банк стал единственным эмиссионным банком Англии, благодаря акту Пиля. Во Франции объединение эмиссионных банков произошло в 1848 г. Имперская Германия стала сразу на путь централизации эмиссионных банков, основав Рейхсбанк и создав условия, которые привели к тому, что большинство из существовавших тогда эмиссионных банков были вынуждены отказаться от своих прав выпуска банкнот. В Италии централизация была завер-

шена в 1926 году, когда окончился срок привилегий выпуска банкнот двух банков — «Банко ди Наполи» и «Банко ди Сицилия». С этого времени «Банко д-Италия» является единственным эмиссионным банком Италии. Даже конфедеративная Швейцария пошла по пути централизации, несмотря на то, что из-за противоречия интересов отдельных кантонов, идея эта вызвала там сильное сопротивление. В 1881 году в Швейцарии было 36 эмиссионных банков. В принципе вопрос о создании центрального эмиссионного банка был решен в положительном смысле уже в 1891 году, но центральный эмиссионный банк был основан лишь в 1905 г., так как до тех пор все проекты центрального эмиссионного банка упорно проваливались отдельными кантонами. Исключение составляли Соединенные Штаты Северной Америки, которые остались верны децентрализованной системе. Но опыт с национальными банками оказался неудачным. Недостатки децентрализованной системы давали о себе знать и именно поэтому была создана Федерально-Резервная система: 12 Федерально-Резервных банков, во главе которых стоит Федерально-Резервный комитет — орган, координирующий деятельность Федерально - Резервных банков. С учреждением Федерально - Резервной системы США, несомненно, улучшили свою банковскую систему, но все же не были в состоянии устранить всех недостатков, свойственных децентрализованной системе. Об этом много писали, в последнее время, в связи с банковским кризисом в США, поэтому мы на этом не будем останавливаться.

Эмиссионный банк должен быть банком банков. Он должен держать в своих руках всю денежную и кредитную систему страны и, тем самым, иметь возможность влиять на развитие народного хозяйства. Центральный эмиссионный банк в состоянии выполнить эту задачу. При наличии же многих эмиссионных банков задача эта часто становится невыполнимой. Если выбирать между децентрализованной и централизованной системами, то выбор наш, конечно, должен остановиться на централизованной системе. Вся история развития эмиссионных банков говорит за это.

Утверждая это мы, однако, не забываем, что в федеративном государстве централизованная система не может не умалять, в известной степени, экономическую самостоятельность отдельных федеративных республик. Но мы считаем, что преимущества централизованной системы столь велики, что, в конечном итоге, существование одного центрального эмиссионного института должно принести лишь пользу отдельным республикам, входящим в федерацию. Само собой разумеется, что при этой системе отдельные республики должны быть представлены в центральном эмиссионном банке таким образом, чтобы каждая из них действительно имела бы возможность защищать свои интересы.

Остается выяснить вопрос, должен ли центральный эмиссионный банк быть государственным или частным учреждением и, если частным, то должно ли государство вмешиваться в его управление и в какой мере.

Главным аргументом сторонников частного эмиссионного банка является мысль, что эмиссионный банк должен быть независим от государства, дабы государство, в трудные минуты, не могло бы прибегать к средствам банка. Довод этот правилен лишь отчасти. Если эмиссионный банк — частный банк, то государству, конечно, труднее прибегать к его средствам, чем когда эмиссионный банк—государственный. Однако, когда государство действительно попадает в безвыходное положение, то оно просто на просто не считается с самостоятельностью эмиссионного банка. Возьмем для примера войну. Всякая война финансируется эмиссией. В случае войны эмиссионный банк, будь то государственный или частный, вынужден выдавать государству бесконечные авансы для ведения войны, не считаясь совершенно с тем, как чрезмерная эмиссия отразится на национальной валюте. Ни один эмиссионный банк не сможет отказать в такую минуту в помощи государству.

О других доводах в пользу частного эмиссионного банка мы и не будем говорить, так как они еще менее убедительны. Да и трудно в настоящее время, когда государству приходится все больше и больше вмешиваться в хозяйственную жизнь, с успехом защищать идею частного эмиссионного банка. Нас, р.-д.-ов, тем более эта идея не может прельстить, так как она идет вразрез с нашей экономической программой. Мы оставляем за государством право контроля над промышленностью. Мы считаем необходимым вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны, для внесения плановости в ее развитие. Можно ли одновременно с этим быть сторонником существования частного эмиссионного банка, управление которым находится всецело в руках самих акционеров. Конечно, нет. Ни о каком влиянии государства на хозяйственную жизнь страны не может быть речи, если эмиссионный банк, т.-е. орган, регулирующий денежно-кредитное обращение, поставляющий формальную, покупательную силу на рынок, орган, являющийся главным источником финансирования народного хозяйства — останется вне досягаемости государства.

Недостаточно также и то влияние на эмиссионный банк, которое может иметь государство, благодаря своему праву утверждения выбора главы эмиссионного банка, как это имеет место в Германии. Государство не может серьезно влиять на хозяйственную жизнь, если оно не держит в своих руках денежно-кредитный рынок. А для этого надо, чтобы эмиссионный банк был бы в его руках, управлялся им. Одним влиянием на эмиссионный банк ограничиться нельзя.

Выбор, таким образом, остается только между государственным или таким частным эмиссионным банком, управление которого всецело находится в

руках государства (Эмиссионный банк типа Банк де Франс). Несмотря на то, что в обоих случаях управление банком находится всецело в руках государства, мы полагаем, что выбор наш должен остановиться на государственном эмиссионном банке и вот почему. Если мы считаем целесообразным, в интересах народного хозяйства, сохранить за государством все те промышленные предприятия, которые имеют общественное значение, то нельзя допускать, чтобы таким учреждением, как эмиссионный банк, общественное значение которого, несравненно выше любого промышленного предприятия, распоряжался частный капитал.

Эмиссионный банк должен быть застрахован от частных влияний и должен руководствоваться интересами народного хозяйства в целом.

Но вопрос об организации кредитного дела не решается еще устройством государственного эмиссионного банка.

Должна ли, наряду с таким банком, существовать частная банковская система? Эта проблема является более сложной. На ней мы остановимся в следующей статье.

М. БАГДАСАРИАН.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

ДОКЛАДЫ И СОБРАНИЯ РДО В ПАРИЖЕ с 1 — I 1933 по 15 — IV 1934

20 января 1933 г. Доклад Н. В. Муретова — «Финансовая политика сов. власти».

27 января — Доклад А. М. Кулишера — «Международная программа демократии».

17 февраля — Доклад А. Ю. Раппопорта — «Отступление или наступление — пути и методы новой генеральной линии».

27 февраля — Обмен мнений по докладу А. Ю. Раппопорта.

11 марта — Годичное Общее Собрание членов РДО.

28 апреля — Доклад Э. Э. Нагеля — «Политические настроения в СССР».

24 июня — Доклад М. С. Багдасариана — «Организация и деятельность эмиссионных банков» (см. печатаемую в этом № статью).

28 июля — Закрытое собеседование членов РДО и р.-д. группы партии Народной Свободы со вступительным словом П. Н. Милюкова: — — «Итальянские впечатления».

13 октября — Доклад П. П. Гронского — «Кто виноват?» (к положению в СССР).

27 октября — Доклад В. В. Попова — «Положение трудящихся в СССР» (см. его статью на эту тему).

7 декабря — Доклад А. А. Александрова — «Тенденции современного синдикализма».

21 декабря — Открытый доклад П. Н. Милюкова — «Международное положение, Россия и эмиграция» (см. полный текст доклада в настоящем номере).

12 января 1934 года Закрытое собеседование членов РДО на тему: «Современное международное положение», со вступительным словом М. С. Маргулиеса.

13 марта — Доклад П. П. Гронского — «Итоги 17-го съезда Компартии».

26 марта — Обмен мнений по докладу П. П. Гронского.

3 апреля — Доклад Г. С. Куртилина — «Современная таможенная политика».

10 апреля — Доклад М. С. Багдасариана — «Эволюция капитализма и опыт Рузвельта».

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ РДО 11-го марта 1933 г.

Приводим выдержки из докладов, представленных Общему Собранию членов РДО 11-го марта 1933 г. Председателем РДО и секретарем.

П. Н. Милюков отмечая дальнейшее развитие РДО, как политической организации, констатирует, что вновь принятая социальная программа послужила к сплочению РДО, к выявлению его политической зрелости и обнаружению явной тенденции постепенного превращения РДО в открытую политическую партию. Мнение РДО и его политическая позиция все больше привлекают к себе общественное мнение, и это обстоятельство налагает на членов РДО обязанность быть особо осмотрительными при их выступлениях. Члены РДО не должны, подобно членам других политических партий (особенно это относится к деятелям так называемых «пореволюционных» группировок), допускать каких либо безответственных выступлений. В настоящее время РДО, вступая в новую стадию своего развития, начинает выявлять себя перед широкой публикой и намерено для пропаганды своих идей, в ближайшем будущем начать выпуск собственного журнала.

Секретарь РДО А. А. Александров дополняет доклад П. Н. Милюкова рядом фактических сведений о деятельности РДО за время с 15-го мая 1932 года по 11-ое марта 1933 г. Докладчик говорит, что деятельность РДО за этот промежуток времени была, главным образом, направлена на ознакомление с нашей новой программой родственных РДО политических организаций, и на получение от них их отзывов и замечаний. Как это было уже указано на предыдущем Общем Собрании, опубликование нашей социальной программы явилось событием выдающегося значения для всего республиканско-демократического движения и потому известный сговор, хотя бы и запоздалый, был необходим по соображениям политической целесообразности. РДО были получены отзывы на программу от республиканско-демократических групп кадетской партии в Париже и Праге, а также от Российского Республиканско-Демократического Объединения в Берлине. Замечания первых двух организаций касались, главным образом, вопросов редакционно-технических и большая часть этих замечаний была принята во внимание при принятии РДО 30-го октября окончательного текста программы. Точка зрения Берлинского РДО оказалась несколько правее наших позиций и пред-

ставляла собой, в сущности, повторение старой либеральной концепции. Членам РДО, вероятно, памятна, газетная полемика, возникшая между газетами «Возрождение» и «Последние Новости» по поводу опубликования «Возрождением» лживой информации «о развале РДО». П. Н. Милюков в своей статье ясно охарактеризовал смысл происшедшего, а председатель Берлинского РДО Б. И. Элькин в своем письме в «Последних Новостях» точно определил пределы наших разногласий, подчеркнув при этом, как общность политического понимания происходящего в России исторического процесса, так и наличие продолжающих существовать между нашим и Берлинским РДО дружественных отношений.

Наша новая программа была опубликована в «Последних Новостях» 4-го ноября 1932 г. одновременно с посвященной ей передовой статьей П. Н. Милюкова. В том же номере газеты сообщалось о выходе из РДО, по несогласию с принятой программой, четырех лиц. Впоследствии к ним присоединился еще пятый — Н. В. Борисов, который был несогласен с принятой вновь аграрной программой. Газета «Возрождение», если не считать безграмотного замечания ее редактора в статье «И мы кровь проливали» никак не отозвалась на нашу программу. Вместо серьезной критики, а в составе редакции «Возрождения» имеются такие осведомленные публицисты, как например проф. Тимашев, газета ограничилась только наглой демагогией. Такое отношение лишний раз подчеркивает неуязвимость нашей программы и полную беспомощность наших политических противников справа.

Несколькими словами отозвались на программу «Крестьянская Россия» и «Младоросская Искра». Обе обвиняли нас в... плагиате положений их программ. Слева наша программа была отмечена только в «Социалистическом Вестнике» в полу-сочувственной, но с оттенком недоверия, статье г. Далина.

Наконец, нужно отметить чрезвычайно дружественный отзыв о нашей программе в нью-иоркском «Новом Русском Слове» А. Б. Петрищева. Последний счел особенно нужным подчеркнуть свое одобрение принятому нами принципу частной собственности на землю, одобрение — в устах народника — крайне симптоматичное.

Деятельность РДО затем выразилась в обсуждении ряда тем, захватывающих наиболее существенные стороны текущей политики.. На очереди — доклады по вопросам банковского дела и городского хозяйства. Обсуждение этих вопросов несколько замедлилось с одной стороны сложностью и малоразработанностью этих вопросов, а с другой стороны — перегруженностью докладчиков.

Издательская деятельность выразилась в выпуске № 20 «Хроники РДО» и в издании книги проф. Маркова «Кризис сельского хозяйства в СССР». Выбор последней темы объясняется тем, что сельское хозяйство является главной причиной политических и хозяйственных затруднений советской власти.

С большим удовлетворением А. А. Александров отмечает рост республиканско-демократических настроений за границей. РДО ведет сейчас переписку с Нью-Иорком, Белградом, Субботицей и Варшавой. В Нью-Иорке Н. Н. Николаев 4-го сего марта должен был сделать доклад о РДО. Организационной связи у РДО с заграничными единомышленниками пока еще нет, но фактически РДО является головным отрядом всей республиканско-демократической части эмиграции. Этому мы обязаны, главным образом, тем, что во главе РДО стоит П. Н. Милюков, авторитет которого для всех русских республиканцев-демократов является непререкаемым. Наша задача — оказаться достойными нашего вождя и выпавшей на нас роли быть наиболее активной центральной республиканско-демократической организацией.

БЕЛЬФОРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РДО

Правление Бельфорского Отделения РДО на последнем общем собрании было избрано в следующем составе: предс. — И. Е. Ачкеев, секретарь — А. А. Дмитриев и казначей (он же библиотекарь) — Н. С. Трусов. Вес и влияние Б. О. на местную общественную жизнь из года в год растет и увеличивается.

Несмотря на тяжелые бытовые условия, — в связи с кризисом все ухудшающиеся, — жизнь отделения в истекшем году протекла очень интенсивно. Были устроены доклады и собеседования на следующие темы:

П. Ф. Комарецкий — «о фашизме»,
Н. С. Трусов — «Карл Маркс (по поводу 50-летия со дня смерти),
А. А. Дмитриев — «об аграрной политике СССР и ее кризисе».
Он же — «о тактике провинциальных отделений РДО»,
Н. С. Трусов — «о национализме (как надо понимать слово «Национальная Россия»)»,
Он же — «почему мы против расчленения России».

Приехавший из Парижа В. В. Попов прочитал публичный доклад о положении рабочего класса в СССР. Этот доклад собрал многочисленную аудиторию и был выслушан с чрезвычайным интересом.

Клубом и местом встречи Бельфорских р.-д.-ков и их друзей служит библиотека. Центральное парижское правление содействовало расширению и пополнению нашей библиотеки, обслуживающей сейчас большинство русской колонии. Кроме своей прямой функции, библиотека выполняет роль связующего звена между организациями и лицами не зараженными ультра-реакционными настроениями.

Обстановка, существовавшая в момент возникновения, сейчас коренным образом изменилась и в настоящее время Б. О. является самой влиятельной в русской колонии организацией.

И. Ачкеев.

«НАЦИОНАЛЬНАЯ» ИДЕОЛОГИЯ

(Письмо из Бельфора).

За последнее время заметно некоторое оживление в нашей сонливой и монотонной провинциальной жизни. Сначала разговаривали о денационализации детей, о необходимости национальной русской школы, о национальной России и о необходимости бороться с большевиками. От слов перешли к делу. Местный Комитет по организации дня русской культуры подавляющим большинством голосов постановил отчислить в пользу русской школы часть предполагаемых от устройства вечера сборов. Но последующие события показали, что приходится желать, чтобы школа как можно меньше пахла теми запахами, которые у нас считаются «национальными».

Местное отделение ОВС начало вывешивать в помещении русской столовой номера газеты «За Россию», выходящей в Болгарии. Эта газета, называющая себя органом Национального Союза Нового поколения и рекомендуемая генералом Стоговым для распространения среди членов ОВС, вызвала довольно большой интерес. В первом из вывешенных для прочтения номеров были похвалы фашизму; предлагалась организация боевых дружин для террористической борьбы с большевиками и указывалось, что «гибель не должна смущать ни идущих, ни посылающих».

Конкретных указаний, во имя какой национальной идеи должны гибнуть идущие, посылающие на смерть в этом номере газеты не дали.

И только, когда был вывешен следующий номер (№ 19) газеты, мне удалось найти косвенные указания на основы идеологии лиц, взявших привилегию мыслить «национально».

В этом номере помещена каррикатура, изображающая въезд Эррио в СССР. Тележку, на которой сидит Эррио, тащит красноармеец или чекист; сзади ее подталкивает еврей

Затем в статье г-на Перфильева «Редкое явление» приводится доклад Фомина на тему: «Настоящий политический момент и единение сил эмиграции». В этой статье доказывается, что очередной задачей Японии является создание буфферного государства между СССР и Манджуко; японские экономические и политические интересы и стратегические соображения требуют, чтобы территория нового буфера простиралась от Владивостока до Иркутска. Автор приходит к следующему выводу: будет ли Япония бороться с коммунизмом как таковым или начнет войну с СССР как государством, «во всех случаях необходимо создание организованной национальной силы, которая не будет забывать, что при всех обстоятельствах злейшим нашим врагом является коммунизм и не надо пропускать случая для нанесения ему смертельного удара».

Антисемитизм и расчленение России остаются попрежнему осью, вокруг которой продолжает вращаться русская зарубежная оффициально «национальная» мысль.

Безполезно спорить с ее представителями. Патриотические выступления А. И. Деникина не встретили у них отклика. Им понятен только национализм Столыпина, смотревшего сквозь пальцы, как глава Одесского Союза Русского Народа. Граф Коновницын предвосхитил арийскую теорию Гитлера и применил ее на практике на улицах Одессы.

Оставаться беспристрастным наблюдателем этой погромно-буфферной пропаганды также невозможно. Мы, демократы, живущие в провинции, — должны теснее связаться с организациями, взгляды которых наиболее близки нашим взглядам. Только этим путем мы сможем добиться успеха в борьбе с распространением псевдо-национальной идеологии и противостать ее представителям в различных начинаниях общественного характера.

Н. Трусов.

г. Бельфор.

ЛИОНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РДО

В 1933 году было сделано четыре открытых доклада: А. П. Марковым — «о пятилетке» и «об общем экономическом положении в СССР» и бывшим комсомольцем М. Москвиным — «о настроениях в сов. России», «о молодежи».

Внутренние доклады и собеседования затрагивали следующие темы: 1) Дальневосточный вопрос, 2) «Пятилетка», 3) Экономическое положение СССР, 4) Внешняя политика советов, 5) Причины гибели политической демократии в Европе.

Р.-Д.-КИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

В Праге активную политическую работу ведет член РДО Д. И. Мейснер. В минувшем году им был прочитан публичный доклад, посвященный анализу так наз. «пореволюционных течений». Доклад вызвал большой интерес, и в его обсуждении приняли участие представители разных политических группировок.

Памяти Б. А. ЕВРЕИНОВА

29-го октября 1933 г. респ.-дем. эмиграция понесла тяжелую утрату в лице безвременно скончавшегося в Праге

БОРИСА АЛЕКСЕЕВИЧА ЕВРЕИНОВА

Покойный, — молодой талантливый историк, — занимал выдающееся место в рядах пражской эмиграции и проявлял исключительную энергию в своей деятельности на разных поприщах. Особенное внимание Б. А. уделял ответственной работе по пропаганде наших идей по ту сторону рубежа, руководя сложным делом распространения специальной литературы, предназначенной для подсоветского читателя.

Р.-Д.-ки В ЮГОСЛАВИИ

Из Белграда нам пишут: Наш кружок с начала октября начал функционировать. Было пять собраний, посвященных вопросам: 1) о последствиях пятилетки в сельском хозяйстве, 2) о пореволюционных идеологических исканиях и 3) о существе современного мирового кризиса. Собрания прошли с исключительным оживлением. Намечены следующие темы для дальнейших бесед: 1) активизм масс в эпоху кризиса, 2) грядущая война, 3) международное положение СССР.

Нас очень интересует выступление по этому вопросу П. Н. Милюкова в Лондоне и в Париже, так как «Последние Новости» сюда, к сожалению, доступа не имеют. Тем не менее позиция П. Н. Милюкова не дает покоя местным «патриотам». Недавно член правления Союза писателей Е. А. Жуков на так называемой «Устной газете» (добавлю — совершенно бульварного характера) в своей «статье» о внутреннем и внешнем положении СССР в связи с 17-ым съездом, демагогически расправившись с точкой зрения П. Н., прямо заявил, что «все патриоты должны быть пораженцами».

Вообще пораженчество делает в здешней эмиграции завоевания. Этой постыдной пропагандой здесь в течение нескольких месяцев занимался епископ Харбинский Нестор. Он читал лекции, посвященные Д. Востоку, в которых развивал такие положения: нет страны лучше, чем Япония с ее «вождем» — нашим православным Саввой Даниловичем Араки. Она свергнет сов. власть, образует «буфер», где все «патриоты» будут строить православную Россию.

Нельзя не присоединиться к выслушанному мной мнению одного профессора правого уклона — «трудно найти более отвратительное явление, чем фигура епископа-пораженца».

В заключение, мне незачем говорить, как мы Вам благодарны за сообщения о деятельности Вашего объединения.

Л. А.

Из Субботицы нам пишут: Литературу получил, очень благодарен, особенно за бюллетени, давшие нам возможность познакомиться с теми интересными докладами и прениями, которые сопровождали выработку программы. Последняя вызвала у нас оживленный обмен мнений.

Здешний эмигрантский спектр окрашен фашизмом, а теперь и гитлеризмом, создавая против нас единый фронт от кирилловцев до крестроссов («Крест. Россия») включительно. И нет той клеветы, на которую не пошли бы наши соплеменники справа, чтобы только зажать нам рот. Из них, говоря по правде, ведут себя прилично только кирилловцы, м. б. потому, что сами-то они не в большом фаворе; зато г.г. Масловы и Ксюнины с К-о переходят все границы в своем прислуживании РОВС-у.

N. N.

ДРУЗЬЯ РДО В НЬЮ-ІОРКЕ

В Нью-Іорке существует группа наших единомышленников, возглавляемая Н. Н. Николаевым. Последним был прочитан 4-го марта 1933 года доклад о «Респ.-Дем. Объединении». В своем пространном письме, адресованном председателю РДО, Н. Н. Николаев, между прочим, пишет: «не откажите в исполнении нашей просьбы своим авторитетным словом поддержать нашу позицию, которую мы вынуждены здесь защищать от нападений не только былых наших врагов справа и слева, но и новых, ныне народившихся, в лице «пореволюц. течений», «евразийцев», «младороссов».

Заранее приношу Вам глубокую благодарность и от себя и от группы Ваших политических и личных друзей, видящих в Вас единственного человека, могущего в нужную минуту объединить под своим лидерством значительные прогрессивные силы, как в эмиграции, так и в России».

ПРОГРАММНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

принятые Общим Собранием 30-го октября 1932 г.

(изменение §§ 4, 5 и 6 краткой платформы РДО)

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ВОПРОС

РДО осуждает промышленную политику коммунистической партии, характеризуемую насильственным проведением партийной доктрины и уничтожением всякой частно-хозяйственной деятельности и и этим самым не согласующуюся с объективными возможностями страны и игнорирующую реальные интересы населения, доведенного до нищеты и хозяйственного закабаления.

Этой пром. политике должна быть противопоставлена политика, основанная на гармоническом и целесообразном, соответствующем уровню хозяйственного развития страны, использовании государственного и частного начал в промышленном хозяйстве, ставящая своей целью наибольшее благосостояние населения и согласующая промышленное развитие страны с развитием земледелия и всех других отраслей народного хозяйства.

В основу новой промышленной политики должны быть положены следующие начала:

1. В соответствии с общим принципом отказа от восстановления уничтоженных революцией имущественных прав, права прежних собственников на национализированные промышленные предприятия и на возмещение понесенного ими материального ущерба, не подлежат удовлетворению.

2. В виду того, что оставление всех национализированных предприятий в руках государства противоречит вышеуказанным задачам промышленного развития страны, вопрос об их дальнейшей судьбе должен быть разрешен следующим образом:

а) Предприятия, необходимые для выполнения задач общегосударственного порядка, остаются в государственном управлении и эксплоатации,

б) Все остальные предприятия или остаются в руках государства, если государственная их эксплоатация оправдывается народно-хозяйственными интересами и окажется возможной с финансовой точки зрения, или же в разных формах (концессии, аренды, продажи) передаются частным лицам, органам местного самоуправления и кооперативам. В интересах народного хозяйства государство сохраняет и в предприятиях последнего типа большее или меньшее влияние, путем участия в капиталах предприятий, участия в управлении ими, в их эксплоатации, или в условленной при передаче предприятий форме контроля над их деятельностью.

Примечание. Органам местного самоуправления предприятия передаются по возможности безвозмездно.

3. За государством сохраняются верховные права на недра.

4. Независимо от судьбы предприятий, национализированных советской властью, населению предоставляется свобода по созданию и эксплоатации новых промышленных предприятий с сохранением за государством высшего контроля для наиболее целесообразного использования естественных богатств страны и вообще для наиболее выгодного для населения направления промышленного хозяйства.

5. Монополия внешней торговли отменяется, но за государством остается регулирующая роль в торговых сношениях страны с иностранными государствами.

6. При заключении всякого рода международных промышленных и торговых соглашений государственная власть должна руководиться целями достижения возможно большей хозяйственной самостоятельности России и хозяйственной выгодности для населения.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Аграрная политика коммунистической партии, сводящаяся к принудительной коллективизации сельского хозяйства и жесточайшей эксплоатации всего земледельческого населения, приводит к дальнейшему разрушению этой важнейшей отрасли народного хозяйства в стране, к обнищанию земледельцев и к голодным бедствиям огромных масс населения.

Относясь резко отрицательно к такой политике коммунистической партии, РДО считает необходимым в основу своей аграрной программы положить следующие начала:

1. До окончательного разрешения земельного вопроса законодательным органом страны верховное право на землю сохраняется за государством. Претензии бывших собственников на возвращение им их владений или на выдачу за них вознаграждения никакому удовлетворению не подлежат.

2. Запутанность земельных отношений, вызванная аграрной политикой коммунистической партии, сделает неизбежным немедленное после падения советской власти перераспределение земли между земледельцами. Задача государственной власти в этот переходный период заключается в том, чтобы придать этому процессу наиболее закономерный характер и создать в самый короткий срок необходимые условия для нормальной сельско-хозяйственной

деятельности, содействовать возвращению к хозяйству оторванных от него земледельцев, а также сохранить общественное имущество совхозов и колхозов в интересах наиболее целесообразного его использования для нужд сельского хозяйства.

3. При окончательном разрешении вопроса о земельном устройстве общегосударственным органом необходимо исходить из положения, создавшегося в переходный период. Основная задача законодательства, заключающаяся в достижении наибольшего благосостояния страны и земледельческого населения, а также в прогрессе сельского хозяйства, должна быть осуществлена путем проведения в жизнь следующих начал:

обеспечение свободы земледельческого труда и распределение государственного земельного фонда между занятыми в сельском хозяйстве земледельцами на праве частной собственности. Частная собственность на землю может быть как личной, так и общественной. За государством при этом должно быть сохранено право регулирования размеров землевладения, борьбы с земельной спекуляцией и хищническими условиями аренды, принятия мер для наиболее рационального использования сельско-хозяйственной площади и принудительного отчуждения земли для общественных надобностей, в частности, для надобностей, вызываемых осуществлением мелиоративных сооружений.

4. Всем земледельцам, состоящим членами колхозов, предоставляется полная свобода выхода из колхозов с правом получения соответствующего количества земли на общих основаниях для всех земледельцев и с выделением их доли из имущества колхозов. Имущество колхозов, в случае невозможности его распределения между членами колхоза, передается органам местного самоуправления на предмет образования складов сельско-хозяйственных орудий и другого хозяйственного использования. Членам колхозов, которые пожелают в дальнейшем вести хозяйство на кооперативных началах, должно быть отведено на общих основаниях с индивидуальными хозяйствами количество земли и выделена соответствующая часть из имущества колхозов.

П р и м е ч а н и е. При распределении земли и имущества колхозов должны быть приняты во внимание интересы тех земледельцев, которые не состоят членами колхозов, но у которых для надобностей колхозного хозяйства были отобраны земли и имущество.

5. Совхозы, устроенные в районах, где земледельческое население недостаточно обеспечено землей, ликвидируются и земля, за исключением необходимой для общественных надобностей, распределяется между земледельцами. Имущество совхозов переходит к органам местного самоуправления в том же порядке, как и неделимая часть имущества колхозов. Совхозы, находящиеся в районах, где земледельческое население не испытывает земельной тесноты, только в том случае остаются в эксплоатации государства, если дают доход или нужны для удовлетворения государственных надобностей. В противном случае территория совхозов перечисляется в государственный земельный фонд, а имущество передается органам местного самоуправления.

6. Леса являются общегосударственным достоянием и находятся в ведении государственных органов управления. Однако, для удовлетворения хозяйственных нужд земледельческого населения из общегосударственного лесного фонда выделяются леса местного значения.

7. На государственной власти и органах местного управления лежит задача проведения мероприятий, необходимых для быстрейшего восстановления сельского хозяйства, его развития и прогресса, в частности, перехода сельского хозяйства к более интенсивным формам и, где по хозяйственным условиям окажется возможным, усвоения новейшей техники сельско-хозяйственного производства. Для этой цели должны быть осуществлены необходимые мероприятия в области увеличения количества удобных земель, переселенческого дела, землеустройства, мелиораций, долгосрочного и краткосрочного сельско-хозяйственного кредита, снабжения машинами и удобрением, лучшей организации внутреннего рынка для сбыта сельско-хозяйственных продуктов, защиты интересов сельского хозяйства на внешних рынках, содействия агрономическому образованию. Особого внимания заслуживают мероприятия по содействию сельско-хозяйственной кооперации в разных ее видах, а также как пути, открывающему для мелкого крестьянского хозяйства возможность использовать современную технику сельско-хозяйственного производства.

РАБОЧИЙ ВОПРОС

РДО, строя свою рабочую политику на принципе вмешательства государства в область трудовых отношений, в целях социальной справедливости и солидарности, и руководясь ее реальной осуществимостью, выдвигает следующие положения:

1. Государственная всесторонняя охрана труда (безопасность труда, санитарно-гигиенические условия работы, ограничение и строгая регламентация труда несовершеннолетних и женщин, минимум еженедельного обязательного отдыха, обязательный оплаченный ежегодный отпуск и т. п.) и ограничение продолжительности рабочего дня, которая не может превышать восьми часов.

2. Обеспечение рабочих, — путем социального страхования или иными путями, — от болезни, несчастных случаев, инвалидности, старости, безработицы и т. п.

3. Признание права коалиции и забастовок, преследующих защиту экономических интересов.

4. Свобода профессиональных союзов и обеспечение за ними наиболее благоприятных для их деятельности правовых условий.

5. Законодательное признание коллективных договоров.

6. Арбитраж для улажения конфликтов между рабочими и предпринимателями, касающихся вопроса заработной платы и других.

7. Представительство от рабочих в органах по охране труда и по социальному страхованию.

8. Участие в международных органах по охране труда.

9. Содействие организации и деятельности рабочих кооперативов и жилищно-рабочего строительства.

Против пораженчества

(Приложение к докладу **П. Н. Милюкова**)

« Прошу инструкций »

(Письмо в редакцию «Последних Новостей»)

Милостивый государь,
господин редактор,

В виду того, что в передовой статье «Последних Новостей», от субботы 9-го декабря сего года, посвященной недавнему докладу в Лондоне П. Н. Милюкова, было упомянуто мое имя, разрешите просить Вас любезно уделить место изложению следующих моих соображений в связи с тем вопросом «об указаниях», который я позволил себе поставить почтенному докладчику на собрании в Русском экономическом обществе в Лондоне.

Я выразился тогда так: «Мне не хотелось бы, чтобы мы покинули это помещение, ограничившись лишь выслушанием обстоятельного и интересного сообщения П. Н. Милюкова и некоторых выступлений моих лондонских соотечественников, в связи с докладом лидера РДО. Мне хотелось бы, чтобы бывший министр иностранных дел, ученый историк и видный общественно-политический деятель, стоящий во главе крупной русской газеты, преподал нам некоторые более положительные указания». Я вспомнил при этом о той фразе, которой, в большинстве случаев, оканчивались донесения в центр наших дипломатических агентов, и которая, для краткости, обозначалась группой четырех цифр. Фраза эта была «прошу указаний».

Совершенно правильно подчеркнул автор упомянутой передовой статьи, что, ставя этот вопрос, я был далек от каких бы то ни было шуток. До шуток ли ныне? Тем менее, конечно, хотел я «подвести П. Н. Милюкова под обстрел», как некоторые это думали. Я действовал совершенно искренно и без каких бы то ни было задних мыслей. Если я поставил этот вопрос -- как это показалось некоторым — в несколько заостренной форме, то лишь потому, что в докладе П. Н. Милюкова — докладе, богатом фактическим материалом — я не усмотрел, так называемой, конкретно-конструктивной части, заключения и «указаний». Нет сомнения, что П. Н. Милюков сказал нам очень много. Более того — он пробудил у некоторых из нас политическую мысль, — мысль, часто склонную, в силу целого ряда условий и обстоятельств, пребывать в дремоте. Он нарисовал довольно зловещую картину создавшихся и создающихся международных условий, наличие и угроза которых для России требуют с нашей стороны каких-то усилий. Но практического плана действий автор нам не предложил.

Автор передовой пишет: «г. Саблин находил именно, что сообщенные докладчиком данные требуют нового пересмотра всего вопроса о задачах русской дипломатии». Несомненно, это так. Положение нашей отечественной проблемы становится все более и более сложным. Помимо всего того, что творится в России, — и что требует скорейшего прекращения, — отечество наше — Россию — начинают рассматривать как некое выморочное имущество. Предвосхищения Танаки, с одной стороны, и Гитлера, с другой, налицо. Статья лорда Ротермира на прошлой неделе в «Дэйли-Мэйль», газете, распространяющейся ежедневно в количестве 2.750.000 экземпляров, также в этом смысле показательна и не должна быть забытой. Газетный лорд совершенно определенно вентилирует идею «устроить и успокоить Европу за счет территории России».

Я не впадаю в ошибку, ибо от предвосхищений и пропаганды до действий — дистанция огромного размера. Но игнорировать эти интриги нельзя, и ознакомление с ними болезненно для русского самолюбия. Вопрос национальностей России входит в тревожную фазу. В так называемых самостийнических кругах за рубежом наблюдаются явления и настроения, свидетельствующие о весьма прискорбных и неуместных заблуждениях, и об отсутствии у наших сепаратистов так называемых задерживающих центров. Статья г. Свогобичного «Украинская эмиграция» и в особенности комментарий к ней С. С. Маслова в № 7 газеты «Знамя России» заслуживают самого пристального внимания. В канцеляриях различных министерств иностранных дел, в канцеляриях посольств и миссий завелись уже зловещие «дела» или «папки», на которых синим карандашом начертаны слова «расчленение России», «балканизация России» и т. п. В нашей собственной среде появились брошюры, явно зловредные для интересов территориальной целости России. Все это ставит перед нами повелительные и серьезные задачи. Вот почему я и просил П. Н. Милюкова поделиться с нами своими более конкретными мыслями, преподать нам некоторые указания...

Как нам быть? Что рекомендовать? Как действовать? — например, здесь, в Лондоне, где многие из нас вращаются в английских политических кругах, в которых очень часто дорожат нашим мнением, если оно высказывается в спокойных и серьезных обоснованных тонах. Здесь, ведь, проявляется очень внимательное отношение не только к вопросу о положении дел в России под большевиками, но и русской проблеме во всей совокупности ее междуна-

родного значения. Однако, самые расположенные к нам англичане становятся подчас в тупик перед сложностью русского вопроса, перед его многогранностью. Здесь имеются и враги, и искренно заблуждающиеся, и ловцы рыбы в мутной коммерческо-финансовой воде, и друзья. Здесь мы находим и сторонников идеи дальнейшего уменьшения российской территории, и сторонников ее неприкосновенности. Последние, за последнее время, несомненно увеличиваются и в числе, и в значении.

В умах очень и очень многих деятелей затея выкраивания из единого государственного тела страны, — тела, веками складывавшегося, — отдельных областей, яко бы, способных к самостоятельному государственному существованию, начинает признаваться не только праздной, но и вредной. Расчлененная Россия, думают здесь, не только не сможет явиться местом приложения западных капиталов, но весьма осязательно укрепит почву гнетущей ныне весь мир экономической разрухи. Здесь есть, с кем поговорить на эти животрепещущие темы. И поговорить серьезно, с надеждой не только на сочувствие, но и на содействие. Но надо знать, что ответить, что сказать, что подсказать, что внушить. Некоторые конкретные указания П. Н. Милюкова, как, впрочем и указания других компетентных руководителей русского зарубежного общественного мнения, помогли бы многим из нас вести ту дипломатическую работу, которую мы здесь очень часто ведем за свой собственный риск и страх без опоры зарубежного общественного мнения и без «указаний», ибо центрального политического руководящего органа у нас, к нашему большому несчастию, — и к огорчению иностранных кругов, по крайней мере в Англии, — нет, и в трудные минуты сомнений и колебаний некуда отправить, как бывало, шифрованную фразу «прошу указаний».

Составить себе более или менее определенное представление о том, какого рода мнение преобладает в нашей собственной среде относительно главной — и единственной — нашей задачи, — задачи русской дипломатии (под этим термином я разумею ныне всех тех русских людей за рубежом, которые ведут политическую работу среди иностранцев в правильно и благоразумно понимаемых интересах союза народов государства российского, — (Е. С.), — задачи способствования падению советской власти без того, чтобы одновременно с ним не распалась Россия, — не легка. Одни мыслят словами М. Волошина, «пошли на нас огонь, язвы и бичи, германцев с запада, монгол с востока, отдай нас в рабство вновь, и навсегда», хуже, мол, не будет. Другие, с меньшим пафосом, но весьма определенно заявляют о своей готовности действовать против большевиков в союзе — или под руководством — Танаки и Араки, Гитлера и даже Пилсудского, не взирая на то, во что такие эксперименты сотрудничества могут обойтись национально-территориальным интересам отечества. Третьи рекомендуют терпение, — в то время, как русский народ изнемогает и содрогается в мучениях...

Итак, с просьбой об указаниях я готов обратиться к любому из наших политических деятелей, при условии, что на это мое обращение мне ответят серьезно, близко к предмету, и без полемических приемов, которые лишь вносят раздражение, не помогая делу. Весьма возможно, что указания будут различны. Что же? Из столкновения взглядов, из обмена мнений, в конце концов, можно будет вывести те или иные указания и действовать соответственно. Но в самом деле, нужно было бы, что называется, поговорить, обменяться соображениями, проделав все это в сдержанных формах и без обвинения, в случае разногласия, одних в предательстве, других в соглашательстве, третьих в безоговорочном признании советской власти.

За недостатком времени П. Н. Милюков не мог ответить более или менее пространно на мой вопрос. Самому себе он, несомненно, уже дал инструкции. И сводятся оне к заявлению, вызвавшему возражения резкого характера в печати инакомыслящих и приведшего к выставлению положения, что никогда и ни при каких условиях коммунистическая власть не может и не будет отстаивать целость и неприкосновенность границ территории, на которой она владычествует. Заявление П. Н. Милюкова свелось к утверждению, что при создавшейся международной обстановке советское правительство ведет такую же политическую линию, какую вело бы в аналогичных условиях всякое другое русское правительство. Разногласия в отношении такой постановки вопроса объясняются, мне думается, просто столкновением инстинктивно-субъективной точки зрения с объективным изложением голого факта. А с фактами считаться приходится. Каковы бы ни были конечные задания коммунистической власти, — нельзя все же не признать, что до сих пор она, как могла, охраняла целость той территории, которая ей досталась. Выдержит ли московская власть вот эту «политическую линию» и впредь, — это уже вопрос иной. Но до сих пор она ее проводила не без успеха. Если Румыния в свое время заняла Бессарабию, а Польша захватила широкую полосу земель российских, то это в значительной мере, если не преимущественно, объяснялось благожелательным отношением некоторых держав к этим «приобретениям за счет России» и определенной поддержкой Франции.

Споры же о том, — и в особенности внесение в эти споры элементов досадного личного раздражения, — каковы были при этом «принципиальные намерения» коммунистической партии, овладевшей нашим отечеством, как наивыгоднейшей базой для целей третьего интернационала, — споры эти являются довольно таки беспредметными и вредными. Простой факт заключается в том, что большевики охраняли пока, по мере возможности, территорию России в нынешних ее границах по тем же соображениям, по каким каждый захватчик охраняет свою добычу. По существу коммунисты будут, во-пер-

вых, стремиться к устройству мировой революции, а, во-вторых, стараться удержать то, что уже раз попало им в руки. Единственным надежным козырем при отстаивании территориальной целости России в тот момент, когда алчность одних и безумие других заставляют и тех и других рассматривать наше отечество, как нечто плохо лежащее, – единственным козырем в такой момент остается использование соревнования между другими державами, при наличии определенного нежелания третьих держав допустить усиление Японии и Германии за счет российских пространств. Каково бы ни было правительство Сталина во многих отношениях, но эту истину оно, повидимому, хорошо себе усвоило.

Я позволю себе закончить изложение этих сообщений вышеуказанной фразой «прошу указаний», по адресу всех тех моих соотечественников, которым попадется в руки настоящий номер «Последних Новостей». Пусть они укажут мне, какого практического образа действий они рекомендовали бы придерживаться русской дипломатии за рубежом для того, чтобы ускорить падение коммунистической власти над Россией, и вместе с тем не подвергнуть государство российское опасности дальнейшей утраты своих окраин, ужасам междоусобных войн среди национальностей его населяющих, и риску подпадения тех или иных лакомых частей обширного нашего общего отечества под гегемонию своекорыстных, заинтересованных иностранных держав.

Примите уверения в отличном моем уважении.

Е. Саблин.

Ответ Е. В. САБЛИНУ

Многоуважаемый Евгений Васильевич,

Подавши повод для Вашего обращения в печати ко «всем тем соотечественникам, которым попадется номер «Последних Новостей» с Вашей статьей, я, естественно, считаю своим долгом дать Вам и лично на Ваше «прошу указаний» более обстоятельный ответ, чем те, которые я мог дать во время моих выступлений в Лондоне и в Париже. Если я несколько запоздал с этим ответом, то это отчасти потому, что хотел выждать, пока Вы получите ответы на Ваш вопрос от других соотечественников. Откликов с тех пор получилось достаточно; но я боюсь, что и после них те «указания», которых Вы желали, представляются не очень ясными.

Одну из причин этого, как мне кажется, надо искать в том обстоятельстве, что самый вопрос в Вашей постановке оказался гораздо сложнее и труднее для ответа, чем тот, который я сам пытался разрешить в своих докладах. В самом деле, Вы считаете «главной и единственной» нашей задачей — «задачу способствования падению советской власти боз того, чтобы одновременно с ним не распалась Россия». Позвольте заметить, что здесь соединены не одна, а две задачи, и из них – при условиях, в которых находимся мы и Россия, одна оказывается трудно совместимой с другой. Обе, конечно, важны, и обе мы должны преследовать; но ведь вопрос сводился не к этой общей постановке, а к более конкретной, а именно: в виду грозящего нам в данный момент нового раздела нашей родины, как следует поступать нам, эмиграции, чтобы этого раздела не случилось. На этот вопрос, собственно, я и отвечал, а именно: 1. Эмиграция не располагает средствами предупредить раздел, но в ее власти, к сожалению, ему содействовать, став орудием чужих аппетитов. 2. Если бы мы оказались в ответственной роли русского правительства, мы должны бы были вести ту самую политику, какую ведет при настоящем положении советская дипломатия. Естественным выводом отсюда было, конечно, что мы не должны мешать этой политике, ибо она соответствует не только интересам советской власти, но и интересам России.

Я очень рад констатировать, что в этих пределах поставленного мною вопроса Вы со мною согласны. Ибо Вы говорите: «нельзя не признать, что до сих пор коммунистическая власть, как могла, охраняла целость той территории, которая ей досталась». Конечно, она делала это, «по тем же соображениям, по каким каждый захватчик охраняет свою добычу», и лишь постольку, намекаете Вы, поскольку это не противоречило задачам международного переворота, преследуемым этой властью, и безопасности ее собственного существования. Я мог бы заметить по этому поводу, что власть, хозяйничающая в России в течение пятнадцати лет, поневоле берет на себя и иные функции – национального правительства. Но, разумеется, русской национальной властью я ее не считаю, и скандалисты последнего призыва, разбросавшие пасквильный листок на моем докладе, в этом отношении упражняют свои таланты не надо мной, а над каким-то ими самими созданным соломенным чучелом. Согласны Вы со мною и в том, что «правительство Сталина, повидимому, хорошо себе усвоило «политику» использования соревнования между другими державами, при наличии определенного нежелания третьих держав допустить усиление Японии и Германии за счет российских пространств». Правду сказать, я в этом «нежелании», — по крайней мере, в его прочности, — не вполне уверен; но, во всяком случае, речь здесь идет о сближении СССР с Францией и ее союзниками, и, следовательно, Вы согласны со мною, что это и есть та политика, которую вело бы теперь всякое русское правительство.

Добавочный — и неизбежный, конечно, — вопрос, Вами поставленный, заключается в том, какое отношение это одобрение внешней политики советской власти имеет к нашему всегдашнему и общему желанию ее скорейшего падения. Не превращается ли объединенная Вами «главная задача» в своего рода

дилемму: или то или другое? Я сам этой дилеммы не ставил; но, раз поставленная, она, естественно, разбудила те страсти, которые кипят в эмиграции при всяком прикосновении к этому больному вопросу. Уже в течение самого парижского доклада я мог почувствовать впечатление этой, не мною поставленной дилеммы. Представитель младороссов, признавший свое согласие со мной «на 100 процентов», не мог все таки не воскликнуть: а все таки мы будем бороться с большевиками. На это я ответил: и я также. Другой мой оппонент придумал легкий выход из затруднительного положения: он соединил обе части в одну: «свергнем большевиков и обороним Россию». Это упрощенное решение называется в логике petitio principii принятие за доказанное того, что предстоит еще доказать. Оно упраздняет, конечно, самый вопрос, и понятно, почему слушатели смеялись, когда я назвал это решение «идеальным». К сожалению, устройство обороны России не ждет того времени, когда мы большевиков «свергнем», а, свергнув большевиков, мы, пожалуй, не поспели бы организовать оборону. Никакого способа скорейшего свержения этот оппонент также не указал, кроме того, что для этой цели и нужно воспользоваться предстоящим военным замешательством, — тем самым, которое может привести к разделу России. Армия враждебна большевикам, — говорил этот оппонент, — и советская Россия не обороноспособна; войны хочет народ, а власть ее боится. Отсюда следовало бы «указание»: надо содействовать открытию военных действий против советской власти. Как потом «оборонить Россию» от вторгшегося врага, оппонент не указал; повидимому, он вольно или невольно присоединился к тем, кто хочет свержения советской власти «какой угодно ценой». Уже во время моего доклада, другой оппонент заметил ему, что и неспособность советов к обороне, и враждебность красной армии подлежит еще доказательству и фактической проверке. А затем, на страницах «Последних Новостей», А. П. Марков обратил внимание этого рода возражателей на то, что ведь низвержение большевиков вовсе не есть необходимое следствие вторжения неприятеля, желающего поживиться русским достоянием. После победы неприятель может сговориться с той же властью ценой нужных ему уступок. Этого же рода соображения имел в виду и мой вопрос собранию, встреченный, как отмечено в отчете, «единодушными, долго не смолкавшими аплодисментами»: «раздела вы добьетесь, но освободите ли Россию?»

Как видите, при Вашей постановке вопрос запутывается — и при некоторых условиях становится неразрешимым. Ибо, если, вообще говоря, следует сохранять враждебное отношение к советскому правительству и в то же время приходится одобрять его внешнюю политику, как нужную для России, то подставлять этому правительству ножку в тот самый момент, когда нашествие неприятеля грозит разделом, значило бы явно противоречить задачам этой самой одобряемой нами политики. Очевидно, дело стоит сложнее, чем думал тот оппонент, который рассчитывал избегнуть одинаково и «пораженческой» и «оборонческой» точки зрения своей упрощенной постановкой: «свергнем большевиков и обороним Россию».

Я с интересом ждал, как выйдет из аналогичного затруднения тот младоросс, который, будучи согласен со мною «на 100 процентов», в то же время одушевленно и убежденно заявлял: «отказаться от борьбы не можем никогда». Интерес этот был тем больше, что я знал о широко оповещенном самими младороссами соглашении с берлинскими эмигрантами, явно идущими на раздел России и даже активно готовящими этот раздел. О роли таких «деятелей», как г. Бермонт, достаточно говорилось на страницах «Последних Новостей», чтобы к этому здесь возвращаться. Не менее ясна и задача эмигрантских украинских групп, в частности, друзей гетмана Скоропадского (отвечу, кстати, моему корреспонденту из Стамбула: разумеется, не «Украина предлагает себя всем», как сказано в отчете о докладе, а те, кто считает себя в праве говорить за-границей от ее имени; и это есть не мое утверждение, а сообщение некоего «дипломата», напечатанное в «Последних Новостях»). Более чем ясна, к сожалению, и роль русских эмигрантов в Японии и Манчжурии. Вы со мной соглашаетесь, уважаемый Е. В., что все эти группы являются активными деятелями в пользу раздела, и на этом я не буду далее останавливаться. Но как же следует поступить по отношению к этим группам противникам раздела, называющим его «позором для России» и и провозглашающим лозунг «руки прочь от России?» Вот вопрос, ответа на который я, как сказано, с некоторым интересом ожидал от политиков этого направления. Я тоже «прошу у них инструкций». Посмотрим, какой ответ они дали.

Увы, речь г. Казем-Бека, которую я внимательно прочел в «Искре» от 1 января, убедила меня лишь в том, что ответа на поставленный Вами вопрос Вы так и не получите. Г. Казем-Бек совершенно правильно указывает, что в Вашей постановке заключается не «дилемма» ,а «двойная задача». В этом отношении он говорит то же, что и я. Но дело осложняется, когда затем, подобно упростителю на моем докладе, и он сближает «оба аспекта» двойной задачи и в тексте, и даже в заголовках своей речи. «Освободиться внутри и защититься извне». Но как же это сделать — в одно и то же время? Речь г. Казем-Бека очень длинна, многословна и переполнена звучными фразами, — согласно его взгляду, развиваемому тут же, о великом значении «рекламы» для политики. Но затушевать внутренних противоречий в постановке и ему не удалось, — тем более, что, помимо логических трудностей, он был еще, очевидно, связан последствиями состоявшегося в Берлине и «рекламно»-провозглашенного соглашения с другими «русскими фашистами».

Все же на тонкостях, при помощи которых г. Казем-Бек думает, — если не разрешить, то обойти

затруднения, стоит остановиться. В духе фашизма он считает необходимым создать «революционную партию», — «сколотить ведущую группу», которая и даст «кадры, нужные для решающего усилия в решительный момент». Этот момент наступает теперь, по его соображениям, на которых останавливаться не стану. Но вот беда: «никто не готов»! «Кадры русской национальной революции» «не готовы». Тем менее готова, конечно, вся остальная эмиграция, кроме этих решительных молодых людей, скромно признающих себя «передовым элементом всей нации». Не буду останавливаться также на том, что эти «кадры» понесут в Россию, и на чем основана их надежда «в решительный момент» слиться с народом. Ближе к нашему вопросу подходит сделанное г. Казем-Беком различение трех возможностей решения «двойной задачи в обоих аспектах («освобождения» и «обороны»). Или 1) «внутренний взрыв сбросит власть», или, 2) «иностранное нашествие начнется до свержения власти», или, наконец, 3) Россия будет завоевана «иностранной оккупацией». Собственно, первый и третий случай нас здесь не касаются; как поступят в обоих случаях младороссы, это их внутреннее дело. Вероятно, и другие части эмиграции будут решать этот вопрос, когда то или другое предположение станет фактом. Но вот второе предположение — иностранное вторжение при существовании советской власти — и есть то, из которого исходит реальная постановка вопроса в данный момент. Как же советует г. Казем-Бек действовать в этом, подлежащем обсуждению случае для достижения «обоих аспектов»? Увы, его решение совсем недалеко уходит от простецкой формулы моего оппонента на докладе. Вот его подлинные слова. «Если иностранное нашествие начнется до свержения власти, зарубежные кадры (которые «не готовы»?) должны быть брошены (каким путем?) в Россию для определенных прямых (? «террор» г. Казем-Бек отрицает) действий, имеющих целью захват власти в период осложнений, вызванных войной. По достижении этой основной цели все внимание — обороне и ликвидации войны. В этом случае, своевременность прямого действия — условие успеха. Русские кадры должны стать русскими национальными легионами. Их порыв, их воля, их штыки призваны будут обеспечить торжество русской национальной революции».

Это звучит очень гордо. Но, во-первых, если даже, по примеру Мария, г. Казем-Бек топнет ногой и явятся «легионы», — ведь сделано это будет в хаосе иностранного вторжения, среди «осложнений», ничем не отличающихся от «хаоса», ожидаемого от интервенций сепаратистов в интервью «Часового», и при полном господстве иностранцев в России.*) Один из двух «аспектов» при этом, во всяком случае, будет потерян, и иностранцы получат то, что им полагается и что с такой наглядностью изображено в упомянутой статье А. П. Маркова.

В чем же тут «стопроцентное» согласие со мной младороссов? Г. Казем-Бек признает, что младороссы, «с присущей им прямолинейностью, приветствовали германскую национальную революцию». Язык Гитлера — их «общий язык», и, очевидно, поэтому «младороссы пользуются в Германии свободой действий, которой не предоставляют другим русским группам». В то же время г. Казем-Бек прекрасно и давно знает о готовящемся покушении Гитлера на русское достояние. Он цитирует известные места, сюда относящиеся, из «Майн Камф». И он, от имени младороссов, решительно заявляет «открыто и ясно: младороссы не будут орудием в руках сил, покушающихся на бытие России», и «будут оказывать решительное сопротивление германской политике». Это, действительно, «стопроцентно». Но... помимо двусмысленной роли в момент «осложнений», о чем сказано выше, как же быть с привилегированным положением в Германии и с берлинским соглашением, препятствующим «решительному сопротивлению»? И рядом с только что приведенной фразой стоит следующая: «Мы готовы принять помощь в борьбе за раскрепощение нашей нации от всякого, кто желал бы помочь нам». Кто же этот «всякий»?

На этот вопрос г. Казем-Бек, прежде всего, дает нам ортодоксальное толкование, — то же, какое даете и Вы: помогут «те народы, которые заинтересованы в существовании России», т.-е. Франция и славяне (Малая Антанта). Дальше, хотя и иносказательно, одобряется и франко-советский союз. «В 1934 г. русская нация (я говорю не о коммунистическом государстве, а именно о русской нации) оказывается перед необходимостью защищать свое существование совместно с теми же нациями, которые были связаны с нею общностью жизненных интересов и в 1914 г.». Сделанная в скобках оговорка, конечно, ничего не спасает, ибо союз заключается все же не с «нацией», а с «государством». Итак, опять «стопроцентное» согласие? Но дальше, в заключительной части (цитирую по подлиннику, любезно мне предоставленному), читаем, что надо «договориться с ответственными кругами Японии о взаимоотношениях дальневосточных младороссов с японскими властями в Манчжурии». Во всей речи г. Казем-Бека о Японии не говорилось ни слова, хотя, по общему признанию, с этой стороны грозит одновременное, а, может быть, и более раннее нападение на русскую территорию. При этом, японцы только и хлопочут о том, чтобы добиться хотя бы видимости «единодушия» русской эмиграции в деле японской «помощи». О чем же именно, как не о расширении фрон-

---

*) Это пресловутое интервью изображает ход событий гораздо реалистичнее. Восстания изнутри будут подавлены красной армией, но тогда, конечно, не «корпус добровольцев», а настоящая германская армия с русскими «фашистами» в своем составе наложит свою тяжелую руку и продиктует свой закон, в виде приведенного с собой «русского» правительства — туда, где сохранятся после раздела остатки былой России. О такой постановке вопроса г. Казем-Бек благоразумно умалчивает.

та этого «единодушия» «будет г. Казем-Бек «договариваться» с японцами? И в каком отношении стоит это намерение к гордому обязательству «не служить орудием»? «Сто процентов» здесь, повидимому, очень легко могут спуститься до нуля.

Я не могу очень обвинять г. Казем-Бека за то, что при всяком приближении к действительности его благие намерения обращаются в нечто противоположное. И не для того я разбирал его аргументацию, чтобы уличить «вождя» младороссов в неясности, двусмысленности и прямых противоречиях. Но полная неудача и этой, наиболее обстоятельной до сих пор попытки связать «два аспекта» поставленной Вами, уважаемый Е. В., проблемы не свидетельствует ли о том, что проблема неправильно поставлена? Внутреннее противоречие этой постановки становится неизбежным, если каждую из задач Вы ставите абсолютно и хотите преследовать одновременно и немедленно. Тогда задачу освобождения России, при нашем собственном бессилии, и приходится решать при «чьей угодно» помощи и «каким угодно» способом. Так ее и ставят прямолинейные фанатики, до сих пор не разочаровавшиеся в возможности хотя бы и такого решения чужими руками и за национальный счет. С другой стороны, одобрение внешней политики союзов СССР с былыми союзниками великой войны тоже становится в непримиримое противоречие с первой задачей, если хотят понять это одобрение, как признание национального характера коммунистической власти и примирение с нею. Моя давнишняя формула, которая, по моему, снимает это противоречие, состояла в признании, что, в известных случаях и при известных обстоятельствах, советская власть исполняет, по необходимости, функции национального правительства, т.-е. представляет интересы не только свои, но и России Трудность этого решения заключается в необходимости разбирать в каждом отдельном случае, совпадают ли интересы России с интересами этой власти или противоречат им. Однако, в некоторых случаях, как будто, устанавливается общий взгляд на это. Например, существование красной армии или объединение русской территории при советской власти, повидимому, признается соответствующим национальным интересам даже и людьми, разномыслящими в других отношениях. Отсюда естественная реакция против одной мысли о борьбе младоросских «легионов» в японских или германских рядах с красной армией, защищающей единство и неразделимость русской территории. Отсюда же и трудность предположить, что сама красная армия в так поставленной борьбе склонится на сторону «легионов», — да еще несущих ей дореволюционные политические идеалы. В других случаях, применение моей формулы, требующее знаний и такта, может оказаться более спорным. Но я не вижу другого способа избежать превращения Вашего «двойного вопроса» в неразрешимую «дилемму». Нечего и говорить, что ни «неготовая» революционная партия русских фашистов, ни «прямое действие» недозрелых политиков, проявляющих свои чувства скандалами, ни легкомысленные обвинения газетных полемистов в «предательстве», «соглашательстве» и тому подобном никакого отношения к действительному разрешению обеих задач иметь не могут. Имеют несомненное отношение к ней «предательство» и «соглашательство» с расчленителями русской земли, но мы уже знаем, что это отношение — отрицательное.

Я, однако, замечаю, что поставленный Вами вопрос имел ближайшее отношение к области, в которой Вы специально работаете: к «инструкциям» Вам, как дипломату. Я хотел бы верить Вашему утверждению, что для «дипломатической работы» в обитаемой Вами стране представляются в настоящее время расширенные возможности. Что же говорить в этой среде о СССР и о нашем отношении к нему?

В ответ — и для краткости — сошлюсь на печатаемую сегодня статью,*) автор которой желает примирить обе части «дилеммы», по крайней мере, в этой ограниченной области. Скажу только с полным убеждением, что, прежде всего, как в нашей собственной среде, так и в иностранной, мы должны **говорить правду о России**, пользуясь в полной мере свободой слова и печати, несуществующими на нашей родине. Вот случай, когда даже и неблагоприятная правда о России может оказать действие, предусматриваемое автором статьи. Я имею некоторое основание думать, что и к информации нашей, и к нашим мнениям относятся со вниманием не только здесь, но даже и **там**. Как бы то ни было, если положение русского населения будет улучшаться, это несомненно пойдет на пользу увеличения обороноспособности России. Но боюсь, что это — не тот путь «скорейшего» освобождения России, к которому стремится, по старой традиции, новая «революционная партия». Что он не «скорейший», охотно соглашаюсь. Но ведь неизвестен и темп освобождения по способу младороссов и единомыслящих с ними. Во всяком случае, даже если бы нас захотели слушать и здесь, и там, это только частичное решение. Заменить им другие я отнюдь не предлагаю. Но это предложение есть только новая иллюстрация к тому, до какой степени все конкретное, что можно предложить в этой области для каждой данной минуты, условно и ограничено.

Пожалуй, уважаемый Е. В., Вы моими «инструкциями» останетесь недовольны. Но каковы же Ваши собственные инструкции, и обладаете ли Вы сами секретом решения поставленного Вами, поистине, мучительного вопроса?

П. Милюков.

---

*) см. открытое письмо П. Н. Милюкову А. Матвеева в «П. Н.» от 9-го января 1934.

О моих собственных «инструкциях»

(Письмо в редакцию «П. Н.»)

Многоуважаемый Павел Николаевич!

В заключительном абзаце Вашего любезного письма по моему адресу в «Последних Новостях» от 7-9 января сего года Вы, во-первых, высказываете предположение, что я могу «остаться недовольным Вашими «инструкциями», во-вторых, Вы спрашиваете «каковы же мои собственные инструкции», и, в-третьих, Вы интересуетесь знать, «обладаю ли я сам секретом решения поставленного мною, поистине, мучительного вопроса».

Разрешите, в связи с этими вопросами, вновь обременить Ваше внимание некоторыми моими соображениями, среди коих Вы, быть может, и найдете ответы на интересующие Вас вопросы.

Поскольку Вы мне преподали некоторые указания, в то же время предоставив мне «свободу действий и возможность руководствоваться местными условиями, веря моему опыту и такту» (такими словами иногда заканчивали свои инструкции наши бывшие руководители иностранной политики), — я остался ими доволен. Мне хочется также выразить Вам признательность за обстоятельное изложение создавшегося и создающегося положения. В результате моего обращения к Вам, в результате Вашего ответа мне, в результате, наконец, тех многочисленных писем, которые и Вы и я получили ,в связи с затронутым вопросом, обнаружилось уже крупное и весьма отрадное достижение. А именно, — представители русской эмигрантской политической мысли различных оттенков приступили к благожелательному и объективному обмену мыслей в спокойных тонах и стараются таким путем установить между собою контакт и выявить некоторые общие основы практического созидательного характера.

Что касается моих инструкций самому себе, то разрешите, предпослав им кратчайшее вступление, предложить их Вашему вниманию и вниманию наших соотечественников.

Г. Казем-Бек весьма удачно сжал мою несколько пространную формулу, изложив ее в пяти словах: «освободиться внутри и защититься во вне». Таково задание. Оно нелегкое. Задача сложная. Но ведь и всякая практическая политика является делом сложным и со многими неизвестными. Вот уже шестнадцать лет как мы «говорим» о необходимости свержения большевиков. Как Вы совершенно правильно заметили, — «никакими криками большевиков не свергнешь». Я должен добавить, — по крайней мере, в результате моего лондонского опыта, — что не избавят русский народ от большевиков и бесчисленные наши обращения к иностранцам, и, в особенности, обращения эмоционального характера, как бы уважаемы ни были авторы этих выступлений, и как бы ни были уважительны причины, вызвавшие обращения. Иностранцы, за последнее время, стали как будто бы даже поворачивать к нам «глухое ухо», когда в разговорах с ними мы затрагиваем нашу отечественную проблему.

Расправляясь у себя «внутри» весьма основательно с последователями Маркса и Ленина, они «во вне» предоставляют русский народ его незавидной участи, облекая это свое непротивление в самые разнообразные формы. За рубежом, в нашей собственной среде, нет, повидимому, тех сил, которые могли бы освободить отечество от большевистского засилия. В таком случае, возникает наиболее существенный вопрос, — какие же силы могут свергнуть советскую власть? Где оне, эти силы? Где их искать? Оне **там**, внутри России, и **там** их нужно искать.

Начиная с этого исходного утверждения, благоволите, многоуважаемый Павел Николаевич, ознакомиться с моими «инструкциями». Борьба продолжается, и более, чем когда либо. Но для ее успеха необходимо, как когда-то писал в «Часовом» некий краском, **искать путей в Россию.** Более, чем когда либо, нам необходимо обратить все наше внимание на постоянное и пристальное изучение развития положения дел и настроений отдельных групп населения **там.** Что **там** большинство ныне недовольно, — не подлежит сомнению. Тем более важно приложить все старания к тому, чтобы отыскать имеющиеся **там** недовольные элементы, найти **там** единомышленников и попутчиков, которые, в нужный момент, став активно-недовольными, оказались бы ценными союзниками.

Первые десять лет владычества коммунистов такая задача представлялась трудно осуществимой. Но за последние годы положение внутри России стало меняться. Недовольство стало охватывать все более и более широкие круги населения, включая и такие элементы, которые ранее являлись едва ли не главным оплотом коммунистической власти. Об этом красноречиво свидетельствуют периодические чистки в компартии, в комсомоле, среди советских служащих, и даже среди чинов армии. Трудно предположить, чтобы значительная часть таких вычищенных не переходила бы в некую оппозицию. Наша работа по выяснению и по выявлению, хотя бы даже предположительному, наших единомышленников в России для нас ныне гораздо существеннее, чем все те сведения, которые, для примера, скажем, сообщал нам недавно г. Ланг или некоторое время тому назад г. Малькольм Маггериджʼ. Да, они ценны, эти наблюдения иностранцев. Но они лишь эмоциональны. Нам-же важно знать численность, состав и настроения тех элементов **там**, с которыми мы могли бы войти в связь. Это не невозможно. И рано — или позднее — элементы, которые мы ищем, должны получить преобладание, ибо каждое правительство в мире, в особенности же столь противоестественное, как коммунистическое, — равно как и его попутчики, — должны подвергнуться закону изнашивания.

Но ясно, что ни проповедью режимных идеологий, ни провозглашением расовых принципов, ни антисемитизмом никого **там** теперь не соблазнишь. Шансы на сочувствие, шансы на содействие, шансы на успех может иметь лишь совершенно новая, простая и общепонятная программа, преимущественно, экономического характера, некий план хозяйственной рациональности и справедливости, исходящий не из того, что было, но учитывающий то, что произошло, программа, обещающая возможно быстрое улучшение всеобщего материального положения.

Большевики отняли теперь у народа все то, чем его прельстили в начале революции. Тем важнее, следовательно, сделать старый лозунг «Земли и хлеба, мира и свободы» более, чем когда либо заманчивым. Слабость нашего эмигрантского действа по отношению к России заключалась именно в том, что **там** совершенно не знали, какие-же наши практические программы и планы, и что вообще можно от нас ожидать. Мне думается, что г. Матвеев прав («Последние Новости от 9-го января 1934 года), когда он с пафосом восклицает: «не нужно нам, русским, рассеянным за-границей, ни белой мечты, ни красного безумия, а нужно, чтобы мало-по-малу все большему и большему количеству наших братьев становилось лучше жить». Несомненно.

Пусть **там** станет лучше житься. Все остальное приложится, впоследствии, и скорее, чем мы думаем. Но никакое улучшение жизни **там** невозможно при наличии советской власти. При нынешней «конъюнктуре», те, которые **«внутри»**, становятся более важными, и, главное, более надежными союзниками, чем **«мир внешний»**. Итак, первое задание — будем искать путей в Россию, в указанном мною выше смысле.

Второе практическое задание, над которым нам необходимо потрудиться, — это установление контакта с представителями национальностей, населяющих Российское государство, на предмет утверждения основной общности целей и возможного сотрудничества. Труднейший и сложнейший вопрос, сознаюсь, ибо, упустив некоторые моменты, мы дали ему возможность не только заостриться и обостриться, но и пропитаться каким-то весьма нежелательным ядом. Никакой самостийности, конечно, на культивировании ненависти к «великороссам» построить нельзя. Но и «великороссам» следует поднажать на свои задерживающие центры.

Проф. Федотов, в своей изумительной по богатству проникновенных мыслей книге «И есть и будет», стр. 161 и след., правильно предсказывает, что, «при насильственном свержении большевистской диктатуры, Россию ждет взрыв национальных восстаний». «Первая же русская национальная власть, — говорит он далее, — должна будет начать с собирания России». «Вопрос ставится о том, будет ли существовать Россия, как империя, как государственный союз народов, или же она вернется к исходному племенному единству в старо-московских границах Великороссии». И еще далее: «никто не может отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России». Все это продуманные фразы, над которыми и нам следует поразмыслить, и нам, и самостийникам, поразмыслить спокойно, достойно политически-благоразумно и экономически целесообразно. Ибо нужно во что бы то ни стало избежать того трагического положения, того величайшего несчастья, когда, в результате свержения советской власти, страна Российская из огня коммунизма попала бы в полымя страннейшей междоусобной братоубийственной войны. Правда, является большим и подчас трудно выяснимым вопросом, насколько всякого рода добровольные представители отдельных областей России, развивающие столь энергичную агитацию заграницей, являются истинными выразителями тех народностей, от имени коих они выступают. Однако, несомненно и то, что многие иностранцы к ним прислушиваются подчас сочувственно, и обсуждают возможности будущего использования сепаратистских течений в своих собственных интересах. Вот по сему мне и думается, что имперски-мыслящая национальная эмиграция и должна была бы обратить серьезнейшее внимание на эту проблему, на эту нашу общеотечественную проблему, не ограничиваясь примитивной перебранкой с самостийниками, а постараться войти в деловой контакт с наиболее серьезными и благоразумными их вождями, и деловым образом убеждать их в том, что Новая Россия, о которой мы мечтаем, отнюдь не представляется нам как новое утверждение санкт-петербургского или московского централизма, а как союз народов государства Российского, союз, в котором каждому из них были бы обеспечены права внутреннего самоуправления с полной свободой местной культуры, религиозных культов и т. д.

История Британской империи, Германии и Австро-Венгрии дает нам много практических указаний того, каким путем подобный строй может быть проведен в жизнь без ущерба для государственного единства и мощи. Мы располагаем аргументами и для того, чтобы убеждать слишком заострившихся самостийников в том, что выход их из состава Российской империи пагубно отразится, прежде всего, на их же собственных интересах, с риском превращения одних областей в «хинтерланд» других держав, другую — в **«хитлерланд»** определенной державы, и вообще всех нас в объект эксплоатации иностранцами. Вы правильно указываете, что помешать вмешательству в целях расчленения было бы не по силам эмиграции. Единственной возможностью, посему, не является ли способствование поднятию в среди эмиграции обще-имперского патриотического сознания, и убеждение самостийников, что единственная возможность лучшего будущего для них — и для нас — заключается в исторической связи в лоне империи и в развитии их самобытности под ее охраной. Небезынтересно отметить, что в Англии давно уже высказывается сожаление по поводу расчленения парижскими трактатами старой австро-венгерской монархии, которая представляла из себя до

великой войны довольно рационально составленное хозяйственное целое. Это не значит, конечно, что в Англии желали бы восстановления династии Габсбугов, но это указывает на то, что англичане — и не только они одни — все болезненнее ощущают отсутствие в Юго-Восточной Европе единого государственного организма, который, с одной стороны, мог бы служить некоторым противовесом Германии, а, с другой, просто представлял бы из себя крупную экономическую единицу, с которой можно было бы вести дела. И разве попытки устроить нечто экономически целое в Придунайских государствах не показательны? В предыдущих моих сообщениях я уже высказывал мысль о желательности «круглого стола», за которым могли бы сесть представители благоразумно понимаемого российского имперского принципа с благоразумными же представителями самостийных течений. Благоприятные результаты будут, вероятно, достигнуты не легко и не скоро, но все же могут оказаться заложенными основы к соглашению, намечены какие-то линии. Возможно, что и ничего из этого не выйдет. Тем хуже, но в таком случае все мы будем знать, «где мы».

Наконец, третье поле деятельности, деятельности «русской дипломатии». Кстати, разрешите напомнить — и особо подчеркнуть, — что под выражением «русской дипломатии» я никогда не подразумевал остатки русской дипломатии времен империи и временного правительства. Под русской дипломатией я ныне совершенно серьезно — и совсем не для красного словца — подразумеваю всех тех деятелей в эмиграции, которые имеют возможность вращаться в иностранных кругах. На всех них Россия возложила обязанность защищать ее интересы, и, в особенности, конечно, ее территориальные интересы. В этого рода нашей работе заграницей в наших руках имеются значительные козыри. В частности, в Англии этим козырем является определенное нежелание англичан, без различия политических партий, допустить, чтобы как Германия, так и Япония усилились бы за счет российских пространств. Да, отделение наших западных областей встретило в свое время плохо скрываемое сочувствие здесь. Однако, и тогда же принимались кое какие меры к тому, чтобы ни одна из этих областей не могла бы подпасть под преобладающее влияние Германии. Продвижение Японии в Манчжурию и Монголию встречало некоторое непротивление, но ныне государственные люди Англии не скрывают мнения, что приобретение Японией прочной военно-морской и продовольственной базы на нашем Дальнем Побережье не отвечало бы интересам Великобритании. Агитация представителей самостоятельной и враждебной «Великороссии» Украины также встречала здесь некоторый интерес. Однако, как только стало выясняться, что планы здешних украинцев базируются на Германию, — отношение к ним изменилось. Даже в полезности для Англии новых прибалтийских государственных образований здесь высказываются сомнения. Относясь с большой предупредительностью, — которой они вполне заслуживают, — англичане начинают, однако, понимать, что все их прежнее значение объяснялось лишь тем, что они были преддверием Российской империи и головными участками ее гигантской железнодорожной сети, связывавшей Европу с Востоком. Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что идея необходимости целости российской территории в границах СССР в интересах самой Великобритании начинает приобретать здесь сторонников, и мне кажется, что это течение мы могли бы весьма удачно использовать, если бы избрали для этого целесообразные методы. В этом отношении чрезвычайно важно, чтобы в иностранных кругах — и, в частности, в английских, — не возникало ложных страхов и опасений насчет политики той России, которая придет на смену России нынешнего дня. Своевременной и ведомой в подходящих выражениях пропагандой, в лучшем значении этого несколько затасканного слова, мне думается, можно было бы устранить некоторые опасения и побудить, — в частности именно англичан, — не только отказаться от всякого потворства неблагоразумным центробежным стремлениям внутри России, но и подать нам руку помощи в момент политического возрождения нашего отечества. Опасения кого бы то ни было насчет империализма будущей России следует категорически отвергать. Пресловутый наш империализм?.. Но позвольте вопросить, — в чем он выражается?.. И разве территориальное распространение многомиллионного русского народа в течение императорского периода его истории всецело не оправдывалось его жизненными потребностями, и только таковыми? Ведь в самом же деле стихийная сила, а не империалистические затеи влекли его неудержимо к берегам Белого, Балтийского и Черного морей, и к Тихому океану. Он погиб бы, если бы не достиг этих берегов. Это необходимо неустанно твердить иностранцам... Да, в течение этого огромного исторического процесса были совершены кое какие несправедливости, которые мы должны откровенно признать, но размеры и значение которых нашими критиками и недоброжелателями определяются далеко не всегда с достаточной объективностью... Тем более, будет чужда всяких империалистических авантюр Россия Новая. Но ей принадлежащего, ей необходимого она не отдаст... Она будет стремиться к осознанию себя и к внутреннему обновлению. В такой России каждой национальности будет обеспечена свобода развития своей культурной индивидуальности. Она будет спаяна не принуждением, а внутренним убеждением всех населяющих ее народностей в необходимости и плодотворности взаимного объединения в одном Российском государстве, свободном, веротерпимом, великодушном и благодарном всем тем племенам и народам его, которые вместе с русским добровольно восстановят общий с ними прекрасный дом... Если, в свое время, неустойчивость на небольшом сравнительно Балканском полуострове втягивала европейские державы в крупнейшие недоразумения, то чего же можно ожидать от

«балканизации» российских пространств, когда отдельные их области будут вести между собой войны, обзаведутся «четниками» и будут искать себе поддержки из за-границы, не считаясь с естественными дальнейшими последствиями этого. Все это нужно разъяснить иностранцам с систематической настойчивостью...

Я полагаю, многоуважаемый Павел Николаевич, поставить на этом точку. «Сказал», но, в отличие некоего римлянина, «души своей не облегчил». Ибо сознаю громадность, сложность и многогранность нашей проблемы. Но все же мне думается, что Россия освободится и сохранится, в результате совокупности усилий тех, которые **там**, и тех, которые **здесь**, усилий, основные линии которых я наметил выше.

Уважающий Вас **Е. Саблин.**

P. S. В дипломатической нашей акции большую пользу всем нам могут сослужить те весьма ценные, понятно и кратко отредактированные мысли и соображения, которые находятся в недавно появившейся в Париже на французском языке небольшой книжечке г. Игнотуса, под названием «В поисках мирового равновесия. Мир без России». Для каждого русского политика сконцентрированный труд г. Игнотуса будет весьма полезным и своевременным «ваде-мекум». Рискуя прослыть нескромным, я позволю себе обратить Ваше внимание и на мою статью «Об единстве России», в мартовском 1933 года выпуске английского ежемесячника «Ллойдс Банк Ревью». В свое время она заслужила весьма одобрительные отзывы в английских кругах и в дипломатических сферах Лондона. **Е. С.**

Ответ ген. А. И. ДЕНИКИНУ

Для своего последнего выступления ген. Деникин избрал тему, тождественную с моим докладом: «Международное положение, Россия и эмиграция»*) Значительная часть его речи является прямым ответом мне. Это дает мне основание изложить мой взгляд на содержание речи ген. Деникина в форме такого же ответа оратору. Тех частей речи, которые выходят за пределы нашего публичного спора, я, по возможности, касаться не буду.

Мой доклад развивал четыре основных положения: 1) завоевательная политика Германии и Японии грозит не только советской власти, но России, непосредственным захватом русских территорий на западе и востоке. 2) Единственным способом предотвратить это нападение, могущее превратиться в новую мировую войну, является политика международных соглашений, имеющих целью изолировать обоих захватчиков. В этой политике сближение советской России с противниками Германии и Японии имеет положительное значение как в общих интересах мира, так и в интересах национальной России. 3) Русская эмиграция в предстоящем конфликте не должна ослаблять оборону русской территории, становясь в ряды завоевателей и тем являясь ширмой для раздела России, в сомнительном рассчете — воспользоваться возможным поражением и неизбежным затем разделом России для немедленного низвержения советской власти. 4) Эта конъюнктура данного момента не может и не должна изменять общего отрицательного отношения эмиграции к советской власти, как власти не-народной.

Я должен сказать, что почти все мои оппоненты избегали обсуждения основной задачи, мною поставленной: определения конкретной тактики, вызываемой именно «конъюнктурой данного момента». Они предпочитали расширять тему, вдаваясь в общие рассуждения, к данному моменту не относящиеся. Оттого рисуемая ими картина оказывалась, говоря языком фотографов, «не в фокусе» и получала расплывчатые очертания. Вместо реальной темы получалось, в результате, бесплодное словопрение. К сожалению, не избег этой опасности в своих возражениях мне и ген. Деникин.

С первым моим тезисом (см. его вторую статью) А. И. Деникин, как будто, согласен. Относительно захватной политики гитлеровской Германии он определенно говорит: «Жестоко, но просто и ясно. В данном случае не нужно ни гадать, ни заподозревать; нужно только уметь читать и понимать прочитанное». Совершенно верно. Уклоняться от «чтения и понимания» могут только слепые. Но известно, что нет худших слепых, как те, что не хотят видеть. К их категории я, конечно, не отношу ген. Деникина. Однако, я должен отметить его оговорку: «если Гитлер не изменит восточную программу, то он будет злейшим врагом России и русского народа». Это «если» (употребляемое в данном смысле, и советскими дипломатами), очевидно, противоречит умению «читать и понимать». Противоречит оно и пониманию традиционной германской политики, хорошо известной ген. Деникину. Имеется у А. И. Деникина и другая оговорка: что, если наши бывшие союзники сговорятся с тем же Гитлером насчет «свободных рук на Востоке»? Предположение не невероятное. Но ведь конъюнктура данного момента характеризуется иным, противоположного характера сговором. Зачем же уходить от нее в предполагаемые возможности, — только потому, что сговор происходит с теперешними властителями России? Не знаю, какое значение имеет третья оговорка ген. Деникина. «Гитлеровская Германия... не собирается пока трогать московского коммунизма». А что если она «соберется»? Будет ли это таким «положительным явлением», как и борьба с германским коммунизмом? Где же тогда окажется все настроение оратора, осно-

*) Доклад А. И. Деникина был напечатан в «Посл. Нов.» от 23, 24 и 25 января 1934 и вышел отдельной брошюрой.

ванное на традиционной германской «восточной программе», истинные цели которой ведь могут быть прекрасно замаскированы борьбой с «московским коммунизмом».

По отношению к Японии, ген. Деникин не делает таких оговорок. Здесь его позиция — проще и яснее. Поставив вопрос: «против кого подымается Япония, против советов только или против России», он, несмотря на «сложную обстановку», грозящую и тут затруднить его прогнозы, отвечает определенно и решительно: «для нас должно быть бесспорно одно положение: прямой захват японцами Дальнего Востока, или та форма захвата, которую они применили в отношении Манчжурии, были бы тяжким ударом не по советам, а по России». На этот раз, стало быть, мы вполне согласны. Но определенность второго ответа еще сильнее подчеркивает колебания относительно первого. А ведь тот и другой конфлик в конъюнктуре данного момента непосредственно связаны...

Ответ на мой второй тезис содержится в первой статье А. И Деникина. Тут, прежде всего, приходится отметить разницу тона, в каком мы обсуждаем вопрос о возможности влияния дипломатии на сохранение мира. А. И. Деникин питает, очевидно, гораздо меньше доверия к этому способу сохранения мирных международных отношений. Для него ткань международных отношений представляет какую-то нелепую неразбериху, сплетение противоречий, в которых опять таки теряется для оратора всякая определенность конъюнктуры текущего момента. «Грани — (между победителями и побежденными) неожиданно встают, стираются и перекрещиваются, — в непримиримых противоречиях, перемешивая карты и путая игру». «В этом пестром калейдоскопе притяжений и отталкиваний, надежд и страхов, вожделений и противоречий, — переплелись, спутались дипломатические ходы, неожиданно появляются и также неожиданно меняются политические ситуации».

Для людей, ближе стоящих к дипломатической профессии, в этих «неожиданностях» есть только одна бесспорная: неожиданность водворения Гитлера в Германии. Все остальное вытекает с полной неизбежностью из этого основного европейского сюрприза. А быстрота приспособлений и разнообразие поисков для сохранения мира при новом положении объясняется внезапностью сюрприза и радикальностью необходимых перемен. В частности, что касается Польши, я сам указал на ее колебания; но как раз для данной конъюнктуры эти колебания вовсе не так велики, как кажутся. Окончательный выбор польской ориентации зависит только от степени энергии и настойчивости, с какими Франция ответит на германскую провокацию. Отмечу, что предложение о гарантии балтийских государств сделано, по инициативе Польши, — и оно вовсе не снято с очереди. Ни руссофобство Пилсудского. ни сношения с Япониeй, ни заигрывания с украинцами ничего в этой политике изменить не могут: главной опасностью для Польши является теперь опасность германская. Интересно отметить, что «отталкивание» от Германии обнаружилось у поляков как раз тогда, когда германцы принялись соблазнять их предложениями территориальных обменов и напугали просьбой о свободном проходе германских войск через Польшу... — для реализации «свободных рук»...

В поведении Германии, конечно, тоже нет никаких «противоречий», — если только не считать таковыми участившиеся декларации о мире, которые, разумеется, невозможно принимать всерьез. Роль Италии не менее ясна: «миротворец Европы» и защитник самостоятельности Австрии никак не может быть безусловным союзником Гитлера. Позиция Англии. — как отмечает и А. И. Деникин, — традиционно-посредническая; но это не исключает и более активной ее роли, в случае обострения конфликта. Большинство стран «парламентского обсуждения» отнюдь не будут на стороне лорда Ротермира.

Итак, в лабиринте современных международных отношений, как они ни кажутся запутанными, не так уже трудно найти ариаднину нить. Вовсе нет надобности обращаться ко временам Египта, Аттилы и Чингисхана, чтобы решить вопрос о степени вероятности войны, и едва ли правильно смеяться над «идиллией» президента Масарика, имеющего смелость основываться в своем прогнозе на «истории прогресса»... Дипломатия — и женевские учреждения — суть его орудия...

Вторая половина моего второго тезиса вызывает со стороны А. И. Деникина самый решительный отпор, принимающий тут даже какой-то митинговый оттенок. «Никогда, ни в какой комбинации, ни в каком союзе — участие советов не может почитаться фактором мира». Я не сомневаюсь, что эта тирада должна была быть вознаграждена «оглушительными аплодисментами». Но аплодисменты не решают вопроса — и не заменяют обсуждения. Немного раньше сам А. И. Деникин сослался на две противоречивые позиции советов: в 1927 году коминтерн «взывал к международному пролетариату о спасении», «сегодня советская Россия десятком пактов входит в международное общение». Для оратора это новое доказательство «пестроты калейдоскопа» и «неожиданности» перемен, — а, вдобавок, и фальши советов. Я же думаю, что и на эту перемену надо взглянуть серьезнее и глубже. «Никогда, ни в какой комбинации» и т. д., — утверждает ген. Деникин. А реальные политики всего мира, отнюдь не по неведению, отвечают: как раз сегодня «участие советов может почитаться фактором мира». «Величайшее недоразумение», — поучает их оратор! Я думаю, они ему ответят: «величайшее доктринерство»!

Должен признаться, что сам я в мае прошлого года написал для журнала «Esprit International» статью, где доказывал, что франко-советский пакт есть даже «не брак по расчету, а какая-то полиандрия». С тех пор я должен был убедиться, что, благодаря Гитлеру, дело приняло гораздо более серьезный оборот. В моей работе о советской дипломатии, которая выйдет на-днях, читатель найдет мою но-

вую аргументацию. Ссылка Поль-Бонкура на старую статью Радека, конечно, неубедительна; ему неизвестна позднейшая статья того же Радека, становящаяся на почву ортодоксальной коммунистической теории. Но не теориями решается дело.

А. И. Деникин оказывает мне честь признать, что «напрасно, в пылу полемики, преуменьшают вес и влияние» П. Н. Милюкова. Но тем больший «соблазн», по его мнению, я вношу своим мнением в среду соотечественников и иностранцев. Могу заверить его, что в глазах иностранцев моя позиция в данном вопросе может лишь укрепить серьезность известной им моей антисоветской позиции вообще. Что касается соотечественников,—объяснять им действительное положение дела и ставить в упор вытекающие из него вопросы их поведения едва ли значит «соблазнять» их. «Соблазн», с моей точки зрения, идет с другой стороны, — при том, соблазн, подкрепляемый аргументами более реальными, чем словесные убеждения.

Я согласен с А. И. Деникиным, что в общем аспекте советская власть не изменила формально своего взгляда на мировую революцию, не прекратила общения с иностранными коммунистическими партиями, что она принципиально не считает себя связанной обязательствами по отношению к капиталистическому миру и т. д. Но А. И. Деникин противупоставляет этой неподвижной доктрине утверждения — такую же неподвижную доктрину отрицания. Это и мешает ему видеть динамику совершающихся перемен. Несомненно, что практика мировой революции теперь не та, что была до 1925—1927 годов, и самая пропаганда приняла иные формы. Об этом подробнее я также говорю в выпускаемой (по-французски) книге о советской дипломатии.

Я опускаю чисто-военные справки А. И. Деникина в первой статье, но не могу не указать на неправильность его соображений о бесплодности франко-советского пакта. Поскольку этот пакт может заставить Германию воздержаться от применения «свободных рук» на востоке, он, как я думаю, уже оказал известное действие, совершенно независимо от того или иного поведения СССР в случае вооруженного конфликта. В последнем же случае, даже нейтралитет СССР выгоден для Франции и Польши, какими бы соображениями коммунистов об ослаблении обеих борющихся сторон этот нейтралитет ни мотивировался. Во всяком случае, речь ведь идет о случае нападения Германии, а не о случае нападения на Германию. В случае же нападения Германии, поведение пограничных государств далеко еще не выяснено в пользу нападающего.

Что надежды коммунистов на мировую революцию могут усилиться в случае европейской войны так же, как и их расчеты сыграть роль tertius gaudens,—это несомненно. Но опять-таки речь идет, в данном отрезке времени, о способах предупредить войну, а не об использовании ее результатов.

Почва для более глубоких разногласий начинается там, где заходит речь о поведении эмиграции в данный исторический момент (третья статья). И можно только пожалеть, что, чем ближе подходит А. И. Деникин к этому наиболее щекотливому вопросу, тем изложение его становится короче, заканчиваясь буквально en queu de poisson.

Первый вопрос, решаемый здесь оратором в противоположность мне, заключается в том, что советская власть не будет защищать Россию. Однако, А. И. Деникин соглашается, что в своих собственных видах эта власть «не пожелает, конечно, отдавать никому российские области», если только это не понадобится «для собственного спасения или в интересах правящей партии». В подкрепление этого последнего утверждения А. И. Деникин выставляет предположение, что большевики, «без малейшего сомнения», поступили бы иначе, чем поступил бы император Николай II, который «с негодованием отверг бы предложение Вильгельма II «открыть фронт немцам». Не говоря о том, что аналогия тут слишком натянута и исторические имена упомянуты, к сожалению, всуе, — напомню оратору, какое «негодование» вызвало в рядах большевиков и их тогдашних попутчиков фактическое «открытие фронта» и наступление немцев после капитуляции Троцкого — перед тем самым Брест-Литовском, на который А. И. Деникин ссылается. Чтобы признать это, нет вовсе надобности «признавать за советами национальное сознание и российский патриотизм». Как видно уже из этих прилагательных, одно и то же чувство может одеваться в различные одежды; но нет надобности, противопоставляя одно доктринерство другому, отрицать a priori, хотя бы и в большевиках, самые естественные человеческие чувства. Что же касается насмешки Бухарина над «сменовеховцами» за то, что последние признали за большевиками роль «собирателей России», — то ведь это «собирание» есть факт, памятный всякому, кто помнит раздробленность России на уездные республики в 1918 году — факт, независимый от каких бы то ни было мотивов и склонности «верить» большевикам или «не верить».

Второй вопрос, разрешаемый А. И. Деникиным в этой части, касается роли красной армии. Решение здесь — еще более доктринерское и безапелляционное, чем по первому вопросу. А. И. Деникин разрешает красной армии «защищать» Россию лишь при одном «непременном условии — сбросить коммунистическую власть». «Для нас невозможна защита родины прямым участием в действиях той армии, которая называется ныне красной, доколе она не сбросит с себя власть коммунистической партии». Условие, очевидно, нереальное. В другом месте оратор ведь соглашается сам, что «красная армия по своей структуре, идеологии, задачам и намерениям представляет огромный вопросительный знак». Следовательно, шансов на выполнение сю требования А. И. Деникина именно в данном отрезке времени остается очень мало. В итоге А. И. Деникин и принципиально, и практически отвергает участие эмиграции в рядах красной армии. Да это участие едва

ли было бы возможно и по чисто техническим, и по политическим причинам.

Остается, стало быть, вопрос о каких то иных формах участия эмиграции в борьбе в случае вооруженного конфликта восточных и западных завоевателей с Россией. Первый, так сказать, рефлективный отклик А. И. Деникина на этот вопрос категоричен и вполне определенен. Нельзя не оценить по достоинству этой решительности. «В случае вторжения иностранной армии в пределы России с целью захвата русской территории **участие наше на стороне вторгшихся недопустимо»**. А. И. Деникин напоминает, что этот ответ дан был им уже полтора года тому назад, когда шли в эмиграции споры об отношении к интервенции. Но... с тех пор что-то, повидимому, изменилось. По крайней мере, в одной из ближайших фраз находим более условное утверждение. «Только такое **иностранное вмешательство и наше ему содействие приемлемо**, когда с занятием первого клочка освобожденной русской земли и до последнего над ними будет поднят русский флаг». Условие, опять-таки, совершенно нереальное в одном смысле и, увы, вполне приемлемое для «вторгшихся» — даже и без изменения «восточной программы» Гитлера — в другом смысле. Материи для русского флага в Германии сколько угодно, а пример Манчжурии показывает, что иностранное завоевание может совершиться при полном торжестве любых национальных цветов. Сомневаюсь поэтому, чтобы такая «незатуманенная идея» могла «привлечь сочувствие за красной чертой и не вызвать в народе подозрений в захватных стремлениях иностранцев». Или, быть может, «народ» менее подозрителен, чем сам А. И. Деникин, в своей первой статье? Или захватные программы менее известны народу, чем тому же оратору во второй статье? Не может же быть тут расчета на доверчивость и на незнание народной массы! А. И. Деникин принужден встать на самозащиту, когда очередная японская утка называет его имя, как члена моего правительства в воображаемом буферном государстве Дальнего Востока, будто бы устраиваемом большевиками при помощи американского капитала.*) Но тут ведь уже с японской стороны — тот же самый расчет на доверчивость и незнание эмигрантского «народа»...

Попутно, А. И. Деникин касается роли национальностей в проектируемом разделе России и нашего отношения к ним. К этому вопросу я вернусь в моем ответе Е. В. Саблину, от которого я получил второе письмо для напечатания в газете. Тут, по мнению А. И. Деникина, «наше непротивление, наше попустительство — недопустимы». Вот, значит, еще одним препятствием оказывается больше для развешивания повсюду национальных флагов. Не говорю уже о других препятствиях, связанных с воспоминаниями в «народе» о белом движении.

Наконец, А. И. Деникин подходит к самому, так сказать, принципиальному вопросу в постановке моей и Е. В. Саблина: как совместить борьбу против советской власти с противодействием расчленению России? Я отвечаю на это формулированным в начале этого ответа третьим тезисом, с дополнением, на случай недоразумений, тезиса четвертого. Тут наше расхождение с оратором всего значительнее. Но... всего туманнее тут и собственная позиция А. И. Деникина. «Эмиграция почти бессильна помочь населению России, но повредить ему (я говорю о расчленении России) может», — цитирует А. И. Деникин отчет о моем докладе. И он «самым категорическим образом возражает против первой половины этой формулы». Что же он противопоставляет ей? Во-первых, численность эмиграции (не 2 миллиона, однако, как он утверждает, а 800.000 с чем то, по последнему подсчету бюро Лиги Наций). Во-вторых, «богатство интеллектуальными силами» эмиграции. Против этого возражать, конечно, не приходится. Однако, проведенная дальше аналогия между ролью этой эмиграции и прежних — польской и старой русской—несомненно, нуждается в оговорках. И тогда— через головы той и другой эмиграции — беспрепятственно заключались союзы и соглашения с царской Россией; но у той эмиграции были идеи, возбуждавшие сочувствие тогдашнего иностранного общественного мнения. К идеям, исповедуемым той частью теперешней русской эмиграции, которая считает себя большинством, иностранцы — не фашистского типа — не только равнодушны, но даже враждебны. Этим, очевидно, ограничивается и та «подрывная роль эмиграции» заграницей, на которую рассчитывает А. И. Деникин, как на «имеющую огромное значение». Да и сам оратор вносит дальше в свою преувеличенную оценку ряд серьезных оговорок. Прежде всего, «эмигрантская масса по природе своей, действительно, ограничена в возможностях активной деятельности». А к ней, к этой массе, как раз и обращена пропаганда наших «активистов»; в ней ищут материала для германских «корпусов волонтеров»; ее соблазняют японскими обещаниями дарового переезда и всяческих льгот для устройства на месте. Из ее рядов выходит и большая часть самоотверженных жертв этой пропаганды, граничащей с провокацией. Что касается пропаганды эмигрантских «верхов», А. И. Деникин, полагаясь на «веру», искренность и громадную текучесть (?) эмигрантской мысли и слова» указывает на «ограниченные беженские средства», как на первое препятствие для проявления этих качеств. Другое препятствие заключается, по его мнению, в пресловутой «розни на политической почве». Тут А. И. Деникин рекомендует заключить хотя бы «пакт о ненападении». Мы с интересом посмотрели бы, как он начал бы применять проповедь такого «пакта» в более

---

*) «Харбинское Время» сообщило 20-го декабря 1933 года, что П. Н. Милюков назначается «главой советско-американского правительства», в которое должны войти, с одной стороны, «писатель Гребенщиков и экономист Маслов», а, с другой стороны, приглашены для создания «сильной армии в буферном государстве» А. И. Деникин и атаман Богаевский. На эту утку, цель которой понятна, и намекает в своей речи А. И. Деникин.

ему знакомой военной среде. Быть может, опыт научил бы его быть осторожнее в распространении этого шаблонного обвинения на политическую среду в собственном смысле.

Далее, А. И. Деникин рекомендует «связь с внутри-российскими национальными элементами». И тут, однако, он делает очень существенную оговорку, совершенно отменяющую это ограничение «национальными» (в эмигрантском смысле) элементами. Оказывается — и вполне справедливо, — что, хотя «можно и нужно нести отсюда в Россию революционные лозунги и программы, но, если они не учитывают происходящих сдвигов в сознании настроений подневольного русского народа, то грош им цена». А если «учитывают», то что от этих «национальных программ» останется? Правда, ряд организаций уверяет, что оне «уже покрыли Россию сетью своих ячеек». Но А. И. Деникин справедливо не доверяет подобным утверждениям, ссылаясь на полное отсутствие результатов их осведомления, и вполне основательно ставит вопрос: «не опоздаем ли мы при таких условиях со своими лозунгами и кадрами, со своей помощью и организацией — тогда, когда начнется движение, действительно имеющее шансы на успех?» Я уже ответил на подобный вопрос: да, опоздаем наверное.

Соберем теперь все эти оговорки и признания — и сопоставим их с моим утверждением, что эмиграция «почти бессильна помочь спасению России». Какая же разница между моим мнением и мнением А. И. Деникина, кроме способов выражения? И куда делось, после всех сделанных оговорок, «энергическое возражение» мне красноречивого оратора? Какой характер должна получить «работа там», при существовании всех указанных им самим препятствий?

Остается, таким образом, все тот же, уже отвергнутый ранее, вопрос «о массовом участии в борьбе» (вместе с иностранцами или сепаратистами). А. И. Деникин признает, в итоге, что «сегодня не дает никаких возможностей для этого» (участия). «Но завтра» — тут же прибавляет он — «может их открыть, будь то война, иноземное нашествие на Россию, восстание красной армии, или подсоветского народа». Трудно, конечно, входить «сегодня» в обсуждение всех этих разнообразных возможностей «завтрашнего» дня. И сам А. И. Деникин предупреждает, что тут «серьезнейшая работа» должна скорее всего заключаться в «удержании метущихся и сбитых с толку (германофилами и японофилами. П. Н.) людей в русле государственных интересов национальной России».

Другая — тоже «завтрашняя» задача сводится к «технической подготовке» «для использования впоследствии тех путей активной борьбы, которые проложат российские события». Совет совершенно правильный; но, увы, эти пути пока недоступны нашему предвидению. Можно признать для будущего все эти возможности; но тогда, опять-таки, подтверждается не тезис А. И. Деникина об «огромном значении», а скорей мой тезис о «почти бессилии» эмиграции в данную минуту. Как бы разочаровавшись сам в тщете своих поисков, А. И. Деникин, наконец, взывает к другим: «ищите других путей, но только не молчание и бездействие!» Молчания и бездействия и я не рекомендую. Но поиски других путей по крайней мере в речи оратора — как будто, успехом не увенчались.

Заключительные слова выступления А. И. Деникина, адресованные «подсоветским людям, не утратившим национального самосознания», отнюдь не восполняют получившегося пробела. Оратор здесь ограничивает свое обращение теми немногими избранными, «кому суждено быть вынесенными на гребень волны». И вот им он ставит «огромную и небывало трудную (т.-е. в сущности непосильную) задачу»: «не втыкать штыки в землю, а, сбросив штыками власть поработителей внутренних, повернуть орудие их против поработителей внешних». Повидимому, оратор здесь обращается к вождям той же красной армии, уже не ставя им никаких «условий». Только этим отличается подобный совет от все же более конкретной, хотя и более самоуверенной формулы оппонента на моем докладе г. Нефелова, предложение которого, тожественное по форме, я назвал в шутку «идеальным», а аудитория подчеркнула его, как наивное. По существу, попытка выполнить тот и другой совет означала бы создать в России, в решительный момент, тот самый хаос, то отсутствие всякой власти, которое как раз и содействовало бы целям как разделения, так и колонизации России иноземцами. В первой статье А. И. Деникин признал такую перспективу «жуткой», а исход «трагичным». А теперь сам он призывает именно к осуществлению этой перспективы, как обещающей России «свободу и мир» «с наименьшими жертвами и в кратчайший срок». Может быть, такой конец речи и был бы признан соответствующим правилам Квинтилиана. Но реального политика он отнюдь удовлетворить не может. П. Милюков.

Второй ответ Е. В. САБЛИНУ

Многоуважаемый
Евгений Васильевич,

Я должен, прежде всего, отдать справедливость тому дипломатическому таланту, который Вы проявили во втором Вашем письме ко мне, формулируя Ваши собственные «инструкции самому себе». Оно проникнуто таким доброжелательством и благоразумием — качествами, не столь часто встречающимися, что почти не хочется с Вами спорить. И по существу сказанного Вами с очень многим следует согласиться. Но «мир во зле лежит», как говорили наши раскольники, — и кое какие замечания по поводу того, что я назвал бы Вашим оптимизмом, приходится сделать, когда имеешь дело с конкретным

вопросом, отвечать на который приходится, считаясь с условиями суровой действительности. Вы и сами, конечно, могли бы возразить себе, ибо в заключении Вы признаете, что «души своей не облегчили», в виду «громадности, сложности и многогранности нашей проблемы». Об этих особенностях проблемы мне и придется говорить, хотя я, быть может, и не скажу ничего для Вас нового. Вы сводите свои «инструкции» к трем категориям: 1) поиски союзников внутри России, 2) сговор с благоразумными представителями национальностей» и 3) убеждение иностранцев (в частности англичан) во вреде для общего мира «балканизации» России. Не весь Ваш вопрос этим ограничивается: вне Вашей постановки остаются самые опасные стороны его: современное международное положение и непосредственная опасность со стороны государств-завоевателей. Ваша программа рассчитана не столько на текущий момент, сколько на длительное осуществление. Тем не менее, она (в особенности, ее второй пункт) заслуживает серьезного обсуждения, — конечно, в рамках более широких, чем, по необходимости, может посвятить ей мой настоящий ответ.

По первому пункту я должен сделать одну серьезную оговорку, и дать одну историческую справку: то и другое вызывается употребленным Вами местоимением «мы». Довольно существенно выяснить, от имени каких «мы» мы с Вами беседуем, ибо нам, как эмиграции в целом, оказалось трудно, если не невозможно, найти общий язык для разговора. Например, одни «мы» пытаются подействовать на иностранцев «обращениями эмоционального характера»; другие «мы», и Вы в том числе, в действенность таких обращений не верят: одни склонны к «благоразумному пониманию российского имперского принципа», другие делают из самого слова «имперский» весьма неблагоразумное употребление; одни «ищут путей в Россию» для одних целей, другие — для иных. Мы с Вами, — и с некоторыми другими, — действительно, «приступили к благожелательному и объективному обмену мыслей в спокойных тонах»; но недалеко выйти из этих пределов вправо и влево, чтобы наткнуться на очень неспокойные способы реагирования и на суждения, менее всего носящие объективный характер. Временами мне даже кажется, что мы с Вами напоминаем некоего Архимеда, тщетно отыскивающего точку приложения рычага и потревоженного в своем «noli tangere circulos meos» неким посторонним посетителем, пришедшим совсем с другими целями. Будем, все таки, беседовать, не предрешая широты отклика на наши беседы.

Это моя оговорка; а вот историческая справка. Лет двенадцать тому назад «искать путей в Россию» означало — принять так называемую «новую тактику». Теперь все, кажется, ищут путей, и Вы правы, что расчет связаться с «недовольными» крепнет по мере роста числа и разнообразия состава этих недовольных. Но и способы поисков их, и методы воздействия на них, и, в особенности, пути соглашения с их «программами» весьма различны: от простого «изучения», Вами предлагаемого, до партизанщины, от партизанщины до «прямого действия», недавно заявленного — или обновленного. Вы видите, что Вы затронули не новую сторону проблемы, — настолько не новую, что трудности ее уже проверены опытом. В частности, Ваше предложение идти в Россию с «экономической программой» уже осуществлено некоторыми политическими течениями. Но Вы тотчас попадаете в circulus vitiosus, как только от составления такой программы переходите к вопросу о ее осуществлении. «Пусть там станет лучше житься. Все остальное приложится впоследствии, — и скорее, чем мы думаем. Но никакое улучшение жизни там невозможно при наличии советской власти». Не согласитесь ли Вы, что в этих двух утверждениях, поставленных рядом, мы имеем классический пример «порочного круга». Нужно «лучше жить», чтобы освободиться; но надо освободиться, чтобы лучше жить. Коварная наша проблема постоянно подставляет нам подобные провалы: лучшее доказательство ее сложности и неизбежности постановки новых и новых проблем, по мере углубления в нее. Но в Вашем ответе мне для такого углубления нет повода.

Остановимся лучше на втором тезисе Вашей инструкции. Вы здесь вводите впервые в обсуждение вопрос первостепенной важности, — и вводите вполне своевременно. Опасность национальных сепаратизмов при настоящем международном положении сознается теперь всеми: и Вами, и г. Федотовым, в цитированной Вами брошюре, и даже самими сепаратистами. Признавая неизбежность национальных восстаний при вторжении иностранцев в Россию, некоторые из них возлагают на эти восстания все свои надежды; другие, повидимому, все же боятся имеющего возникнуть хаоса и бесконечной внутренней гражданской войны, которая будет неизбежным последствием такого разделения (или «отделения»). Обращу Ваше внимание на недавно напечатанный у нас очерк о «собрании сепаратистов» в Париже, где этот undertone отчетливо слышится, — и где вообще можно найти хороший моментальный снимок ожидающих нас трудностей на пути осуществления этой второй части Ваших «инструкций». Сесть за «круглый стол» и сговориться заранее с «самостийниками», «войдя в деловой контакт с наиболее серьезными и благоразумными их вождями», и «убедить» их в том, в чем мы убеждены сами, — чего, кажется, лучше, чтобы избегнуть и «восстаний», и «хаоса», и «раздела» или «отдела» России! Но Вы увидите из упомянутого отчета, что созыв «круглого стола» предполагается представителями народностей.. без нашего участия, — в том же роде, как он был осуществлен, например, в Лозанне, во время войны, для целей, противуположных тем, которые мы с Вами хотели бы поставить на их обсуждение. Ограничиться отбором «благоразумных вождей» и вести с ними приватные разговоры? Но уверены ли Вы, что «благоразумные», с нашей точки зрения,

окажутся «вождями», а «вожди» благоразумными? Я и мои единомышленники имеем в этом отношении некоторый опыт, которым я хотел бы с Вами поделиться. Нашему политическому течению трудно предъявить обвинение в «петербургском или московском централизме», хотя, в порядке забвения недавнего прошлого, такое обвинение и предъявляется иногда в последнее время. Мы говорили об «автономности» народностей, когда никто не говорил об этом, — не исключая и большинства самих национальностей. Мы начали говорить о «федерации» и об отдельных случаях полного отделения народностей с наиболее развитым самосознанием, когда международное положение сделало возможной подобную постановку. Нет, кажется, ни одной народности национальных интересов, которой мы не имели бы случая защищать в Государственной думе. Но мы, правда, останавливались перед «самоопределением вплоть до отделения». Тут, очевидно, и лежит причина «подорванной веры в русскую интеллигенцию», о которой заявил азербейджанский националист на парижском митинге. Нам предъявляли два типичных возражения, следы которых сохранились и на упомянутом собрании. Нам говорили, во-первых: прежде всего перестаньте быть представителями «общерусской», «сверхнациональной» культуры и превратитесь в таких же националистов, как мы: в националистов «великорусских». Тогда мы будем говорить с вами не как с «поработителями», а как «равные с равными». Должен признаться, что для нашего поколения это предложение было психологически неприемлемо. Мы не могли не чувствовать себя представителями общерусской культуры, — какими, впрочем, чувствовали себя и наши сверстники из других народностей. В нашем политическом течении участвовали как члены, многие из этих народностей; целыми группами они входили в нашу политическую фракцию во все Думы, и мы одинаково считали всегда наше течение — наднациональным, «российским», а не только русским. Были, конечно, помимо нас, и представители узконациональных течений, они приходили, преимущественно, с окраин и оказывались типичными централистами и руссофикаторами. И, указывая на них, мы отвечали нашим собеседникам — националистам: ведь если когда-нибудь мы сделаемся националистами-великороссами (возможность чего мы отрицали), то мы заговорим с вами другим языком. Интересное продолжение этого аргумента я нашел в докладе г. Мехтиева на упомянутом собрании. В нашем отчете эта мысль докладчика передана так: «для сохранения российской империи, нужен был бы Цезарь или диктатор, ибо империя (не всякая, конечно. П. М.) создавалась и может создаваться только насилием. При демократическом режиме не будет морального единства (!?), и империя обречена на распадение». Нечто подобное, очевидно, имел в виду и «украинский империалист» Шульгин, когда на требование автономии меньшинств отвечал, что «право на самоопределение нельзя доводить до абсурда», и что надо его «завоевать борьбой». Наконец, и единственный «благоразумный», в Вашем смысле, участник собрания, г. Газдава, говорил в страстных тонах об опасности «вечной войны» на обширной русской территории, в случае, если забудется «общечеловеческая, а не только национальная» сторона вопроса. Конечно, выйдет так, если мы будем отброшены назад, к эпохе нового «стихийного» собирания России. По счастью, до сих пор наш сговор идет в терминах XX-го, а не XVI-го века.

Избегая указанного г. Газдавой плачевного исхода, демократия, однако же, может предложить народностям лишь один мирный исход: федерацию российских народов. И тут, когда мы этот исход предлагали (на нем мы стоим и сейчас), — конечно, не в смысле федерации советской, — «разумные» из националистов давали нам такой совет: Пусть так, но предварительно согласитесь на наше полное отделение. Тогда мы будем с вами говорить, как равные с равными, — и, в общих интересах, предложим те или другие формы союза. Быть может, это будет род конфедерации, как максимум возможных уступок. К сожалению, за намеченную нами грань мы перейти не могли. Не можем и сейчас, не лицемеря и не подчиняя своих убеждений тактике момента. Федерация предполагает сохранение единства территории, единства гражданства и единства народного представительства. Конфедерация отрицает и то, и другое, и третье: это есть союз между государствами, а не между народами. «Не верить в федерацию», как говорил г. Алибеков, можно, конечно, если не верить в «интеллигенцию» и не считать «демократию» способной сохранить целость российского государства. В этом случае, возможна и та циническая торговля, которую предлагал украинец, г. Еремеев, на том же митинге: потребуем полтинник, дадут четвертак («автономию»); потребуем рубль («отделение»), дадут полтинник («федерацию»). «Дадут» — это, конечно, «даст» не равный, а хозяин положения. «Все дело в искусстве торга». Принцип, имеющий, очевидно, больше связи с привычками Востока, чем с тактикой российской демократии.

Нам с Вами, уважаемый Евгений Васильевич, мысль о такого рода торге, разумеется, в голову не приходила. Но должен заметить Вам, что то, что Вы предлагаете «разумным вождям» народностей, больше похоже на четвертак, чем на полтинник, — и едва ли может быть принято самыми разумными из разумных. Если не ошибаюсь, Вы говорите не о федерации, а только о национальной автономии, — т.-е. о такой форме, которую можно было бы в настоящее время предложить только отсталым народностям, — или народностям без территории. Не хочу останавливаться на подробностях, но в Вашей аргументации я заметил оттенки, которые могли бы быть превратно истолкованы, не только на митинге, вроде имевшего место в Париже, но, пожалуй, даже и за «круглым столом». Боюсь, что в этом отношении Ваши «инструкции» несколько запаздывают.

А. И. Деникин, в вопросе о сговоре с националистами, как кажется, вообще не склонен вступать на почву «дипломатии», понимаемой в Вашем смысле. «Где в зарубежьи», — спрашивает он, — «те арбитры, которые морально правомочны выбрать «покупателя», назначить «цену» и определить те пределы, до которых может дойти «соглашательсство»? В этом порядке, конечно и для самих национальностей никакие переговоры не нужны, ибо нет в эмиграции достаточно ответственных лиц или групп, чтобы заключить формальные «договоры». Но Вы правильно ставите вопрос и о правоспособности заграничных представителей народностей выражать мнение своих народов. Очевидно, речь идет не о настоящих дипломатических переговорах между бывшими национальными правительствами, признанными и непризнанными, с одной стороны, и распыленной эмиграцией, которую всячески убеждают создать, наконец, «национальный совет», с другой. Мы говорим лишь о контакте национальных интеллигенций и общественных мнений. Поскольку мнимые правительства рассчитывают стать настоящими, опираясь на иностранную поддержку, они, как, например, г. Шульгин, имеют все основания сами избегать общения с нами, а мы, со своей стороны, имеем еще более серьезные побуждения не искать соприкосновения с теми, опасность претензий которых мы обличаем.

Мне не хотелось бы входить в спор с Вами относительно третьей части Ваших «инструкций», касающейся Вашего собственного «поля деятельности». Мои личные впечатления от пребывания в Англии в 1919 году не похожи на Ваши. Но, быть может, с тех пор настроение влиятельных английских кругов изменилось, и опасность «балканизации» России для всего мира начинает, действительно, сознаваться. Тем лучше для нас, — и тут Вам и книги в руки. Даже в случае убеждения англичан в том, что мы считаем правильным и справедливым, для меня сомнительна степень активности их воздействия. Но это не должно менять, конечно, прилагать усилия в желательном для нас направлении. Пожеланием Вам успеха в этом деле и разрешите закончить мой ответ.

П.. Милюков.

Письмо ген. А. И. ДЕНИКИНА

Милостивый государь,
Павел Николаевич!

В статьях своих «Ответ ген. Деникину» Вы коснулись почти всех моих положений, давая им свое толкование и высказывая по поводу их предположения, не вытекающие из моих взглядов.

Прежде всего, — несколько раз сделанное противопоставление «конъюнктуры данного момента», «данного отрезка времени», моей оценке политического положения... Вам хорошо известно, что ни политика, ни стратегия не могут руководствоваться обстановкой только «сегодняшнего» дня, а должны предвидеть и «завтрашний». Без этого даже для людей, близко стоящих к дипломатической профессии, многое может оказаться неожиданным... Так, Вы пишите, что «для данной конъюнктуры колебания Польши вовсе не так велики», что «окончательный выбор польской ориентации зависит только от степени настойчивости и энергии, с какими Франция ответит на германскую провокацию», что, наконец, уже «обнаружилось отталкивание поляков от Германии»... А в тот же день телеграф принес известие о заключении на 10 лет германо-польского пакта.

Когда я касаюсь больного вопроса о «стабилизации на Западе» и «свободных германских руках на Востоке», когда я говорю о выходке Коти (далеко не единственной), которую нельзя оставить без внимания, о соотечественниках наших, горячо защищающих «прямые соглашения» Парижа с Берлином, чреватые опасностями для России, Вы и здесь ставите запреты. «Зачем же уходить в предполагаемые возможности от конъюнктуры данного момента». Между тем, речь шла о реальных опасностях, которые Вы сами называете «не невозможными».

Я сказал: гитлеровская Германия, разбивая немецкий коммунизм, не собирается пока трогать московского, а поддерживает с ним дружбу. Вам кажется подозрительным слово «пока», и Вы задаете странный вопрос: «А что, если соберется? Будет ли это положительным явлением?.. Где же тогда окажется настроение автора»? Да, «если соберется», т.-е. выгонит полпредство, торгпредство и пр., и порвет с советами, это будет явлением положительным, как и всякий разрыв с советами и их изоляция. А «настроение» мое окажется все в том же месте, — в орбите государственных интересов России. Вы заподозреваете и слово «если» в моей фразе: «если Гитлер не откажется от восточной программы», когда ясно, что вся суть во второй половине фразы: «...он будет злейшим врагом России и русского народа». От Вас я меньше всего ожидал упрека в «колебаниях» по отношению к традиционной германской политике, — и в прошлом, и в настоящем.

Вы говорите: «Италия никак не может быть безусловным союзником Гитлера...» И далее: «в случае нападения Германии (на Францию), поведение пограничных государств далеко еще не выяснено в пользу нападающего». Неизвестно — с кем спор, так как я никогда ничего подобного и не утверждал. «Численность эмиграции не 2 миллиона, как он утверждает, а 800 тыс.», — пишете Вы, между тем как у меня сказано: «эмиграция, вместе с невольными меньшинствами, превышает два миллиона».

Я совершенно искренно называл трогательной веру почтенного президента Масарика в мир всего ми-

ра, не взирая на все противопоказания истории и текущей жизни. Что же касается Вашего утверждения, что дипломатия и женевские учреждения суть орудия прогресса, я бы сказал, что дипломатия уж во всяком случае, является в такой же степени орудием войны, как и мира.

При обсуждении вопроса о значении пактов с советами, которые, якобы, «сегодня могут почитаться фактором мира», Вы исходите из того положения, что эти пакты действительно обязывают советы и будут ими выполнены по крайней мере, в отношении нейтралитета их. Я же глубоко убежден, что советы выступят или не выступят, не считаясь ни с какими пактами, сообразно тому, как им будет выгоднее. В Ваших глазах советский пакт — международный акт; в моих — «клочок бумажки». Так же смотрят на него и большевики: последняя речь Сталина и резолюция 13-го пленума исполн. комитета коминтерна о «революционном выходе» из кризиса и о разрушении буржуазного строя лишний раз подтверждают это.

Вы оспариваете мое «предположение» (не предположение, а уверенность!), что советская власть будет защищать не Россию, а свое бытие. И противополагаете свое предположение (что защищать Россию она будет), основанное на признании в большевиках «самых естественных человеческих чувств», на примере... Брест-Литовска и на «собирании России большевиками» в 1918 году...

Позвольте Вам напомнить, что хотя часть большевиков, действительно, с негодованием отнеслась к «похабному миру», но эти общечеловеческие чувства не могли предотвратить заключение его. И совет комиссаров в воззвании к народу с исчерпывающей ясностью определил свои искренние побуждения: «Мы готовы признать тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контр-революция попытается окончательно затянуть петлю на шее советов». Тогда только отпор? При чем же тут Россия? Вы сами раньше говорили о людях, для которых «организационное самосохранение сталинской головки ценнее сохранения тела России». Что касается уподобления Вами «собирания России» Иваном Калитой насаждению в эфемерных «уездных республиках» единой большевистской власти, — такую аналогию я отказываюсь понимать.

Приведя один из моих тезисов, напечатанных еще в 1924 году, повторенных полтора года тому назад, — о недопустимости участия нашего на стороне державы, вторгнувшейся в Россию с захватными целями. Вы прибавляете: «Но... с тех пор что-то, повидимому, изменилось. По крайней мере, в одной из ближайших фраз находим более условное утверждение: — «Только такое иностранное вмешательство и наше ему содействие приемлемо, когда с занятием первого клочка русской земли и до последнего над ними будет поднят русский флаг». И дальше иронизируете, что у немцев и японцев хватит материи на такие флаги...

С моей стороны ничего не изменилось, ибо слова эти целиком входили в мое сообщение о Дальнем Востоке в 1932 году, и напечатаны были тогда же в «Последних Новостях». Я допускал возможность в будущем и такого рода интервенции, соответствующей интересам России. Тогда Вы не были столь ригористичны в таких «гипотетических предположениях» и не искали в них предосудительного смысла.

Я говорил о необходимости более тесной связи нашей с внутрироссийскими национальными элементами. Говорил еще, что можно и нужно нести в Россию революционные лозунги и программы, учитывающие, однако, происшедшие там сдвиги... Вы усматриваете в этом противоречие, и спрашиваете: «если учитывают, то что от этих «национальных программ» останется?» При чем тут национальные программы в кавычках, которым Вы придаете, очевидно, осудительный смысл? Я словом «национальный» не играю, понимаю его в прямом значении и противополагаю здоровое национальное чувство — большевистскому интернационализму.

Касаясь активной работы эмиграции, я мог только назвать те области, в которых она возможна, и те препятствия, которые стоят на ее пути. Полагаю, что распространяться о методах работы на публичном собрании недопустимо.

Я призывал, в случае иноземного нашествия, «не втыкать штыки в землю», но, сбросив штыками власть советскую, обратить их против поработителей внешних. Вы считаете, что это вызвало бы хаос, отсутствие всякой власти и способствовало бы только разделу России. Хаос может наступить при всяком свержении советской власти, — в дни мира, и в дни войны. Хаос в дни войны может способствовать успеху вторгнувшегося врага, но и хаос в дни мира, в дни предвоенные, может поощрить его к вторжению. Не желая рисковать, пришлось бы оставить вовсе мысль о свержении советской власти, возложив единственную надежду на теорию ее эволюции, уже похороненную жизнью.

Я признаю злейшими врагами России державы, помышляющие об ее разделе. Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями — бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, красной армии и эмиграции, — их повелительным долгом.

Но... я не верю в советский патриотизм красной армии и, тем более, вооруженного народа. Победа без участия народа невозможна. А народ не пойдет за властью... Он может оказать — на фронте и в тылу — пассивное сопротивление и широкое «вредительство», что, подрывая государственную оборону, не повлекло бы непременно кризис режима. Он может восстать и свергнуть власть, что сулит надежду на спасение. Падение советской власти несомненно внесло бы расстройство в армию. Но радость освобождения и патриотический подъем в стране дали бы возможность новым людям восстановить ее силу и дать отпор внешнему врагу. Только исходя из этой веры, я допускаю рискованное сред-

ство — переворот даже во время войны, если раньше, в более благоприятной обстановке, свершить ее не удастся.

Риск этот велик. Но он все же меньше, нежели оставление в руках советской власти, ведомой советским «патриотизмом», дела защиты отечества и судеб народа.

Уважающий Вас

А. Деникин.

Многоуважаемый

Антон Иванович!

Боюсь, что продолжение нашей полемики будет чрезмерным налогом на внимание читателя. Ваш ответ, несомненно, разъясняет Ваш взгляд на некоторые вопросы. В других случаях Вы остаетесь при своем мнении, я же не могу изменить своего: предоставим фактам внести поправки в те или другие высказанные нами мнения, или совершенно изменить их. В третьем ряде случаев — разрешите мне сказать это — наш спор принимает чисто словесный характер. Я со своей стороны не настаиваю на форме выражения моей мысли, если самая мысль ясна читателю. Позвольте в заключение нашей полемики поблагодарить Вас за внимание, которое Вы оказали моим возражениям Вашим подробным ответом. Полагаю, что читатель наш ознакомится с ним с тем же интересом, а местами и удовольствием, которое испытал я.

Уважающий Вас

П. Милюков.

Письмо ген. А. И. ДЕНИКИНА ред-ру «Возрождения»

Милостивый Государь,

Юлий Федорович,

Мое сообщение 21-го января дало Вам повод заявить о тождестве наших взглядов на интервенцию. Это — большое недоразумение, усугубляемое тем еще, что, по Вашему мнению, весь русский народ думает так же, как и Вы.

Наше глубокое расхождение заключается в следующем:

1. Я признаю злейшими врагами России, державы, помышляющие об ее разделе. Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями — бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, красной армии и эмиграции — их повелительным долгом.

Вы же допускаете всякую интервенцию и соучастие в ней русской эмиграции.

2. Я не верю в советский патриотизм красной армии и, тем более, вооруженного народа. Победа без участия народа невозможна. А народ не пойдет за властью. Он может оказать — на фронте и в тылу — пассивное сопротивление и широкое «вредительство», что, подрывая государственную оборону, не повлекло бы непременно кризис режима. Он может восстать и свергнуть власть, что сулит надежду на спасение. Падение советской власти несомненно внесло бы расстройство в армию. Но радость освобождения и патриотический подъем в стране дали бы возможность новым людям восстановить ее силу и дать отпор внешнему врагу. Только исходя из этой веры, я допускаю рискованное средство — переворот даже во время войны, если раньше, в более благоприятной обстановке, свершить его не удастся.

Вы же рисуете себе другие картины, поистине пораженческие: армия не будет сражаться, народ, по выражению Кусковой, «станет поголовно осуществлять новый и страшный российский Кинталь», а вражеские войска тем временем будут беспрепятственно продвигаться в глубь России... И, предусматривая такие перспективы, Вы, все же, благословляете иноземное нашествие.

3. Я говорю об обязанности эмиграции, в случае войны и восстания, быть с народом, — чтобы вместе свергать врагов внутренних и бить врагов внешних....

Вы же призываете эмиграцию «вливаться в Россию вместе с армиями чужеземцев», которые «окажут всяческое содействие эмигрантам»...

4. Вы толкуете буквально мою метафору — не втыкать штыки в землю, а, сбросив штыками поработителей внутренних, повернуть острие их против поработителей внешних». И рисуете на фоне русской трагедии такой шарж: с вторжением иноземцев, армии оголяют границы и «сначала» идут кудато свергать власть, открывая свободный путь врагу. Затем уже начнутся «иные действия». Какие — об этом Вы не скажете будущим Вашим «союзникам». Но они-то понимают и примут меры, чтобы, использовав «попутчиков», обезвредить их или погубить.

Я смотрю на дело иначе. Для свержения советской власти не только невозможно, но и безумно было бы снимать войска с Амура или Припяти. Решит дело удар по центру. В 1917 году десяток запасных батальонов в Петербурге дал толчок к падению империи... Теперь это более трудно, но все же выполнимо. Главнейшей задачей новой власти будет — сохранить насколько возможно войска от развала, восстановить их боеспособность и удержать фронт.

Я отдаю себе ясный отчет в огромной трудности этой задачи и в опасностях, сопряженных с нею. Но оне неизмеримо меньше, чем те, что связаны с приглашением иностранных армий, которые придут для расправы не с коммунизмом, а с Россией.

Уважающий Вас **А. Деникин.**

Le Gérant: V. Kosmentzoff

Imp. BASILE, 1, villa Chauvelot, Paris 15